Зауряд-врач

Автор:
Анатолий Дроздов

Зауряд-врач

Анатолий Федорович Дроздов

Зауряд-врач #1Я – попаданец! (1С)

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, пишущий в разных жанрах. Представляем первую книгу трилогии, ставшей одним из самых популярных литературных проектов автора за последние годы. Роман «Зауряд-врач» написан в лучших традициях попаданчества и альтернативной истории.

Нам не в новинку версии о параллельных мирах, где развитие истории идёт по несколько иным сценариям, чем в нашей вселенной. В один из таких миров и попадает наш современник – майор медицинской службы Игорь Иванов. Попадает, погибнув в этом мире после подрыва на мине. В мире параллельном на дворе 1915 год, идёт мировая война, цель которой – уничтожение России. Герой начинает заниматься тем, к чему привык, – спасать людей, применяя познания, о которых столетие назад и слыхом не слыхивали. Неподдельное удивление среди коллег вызывают и другие навыки Игоря: он послужил в горячих точках и умеет держать в руках оружие. Как сложится судьба попаданца? Что его ждёт? Читайте…

Анатолий Федорович Дроздов

Зауряд-врач

Пролог

Сделав последний стежок, я завязал нить. В тот же миг к ране протянулась рука с ножницами. Обрезав нить, Оля забрала у меня иглу и протянула поднос с медикаментами. Я промазал шов йодом, наложил марлевую салфетку на рану и закрепил пластырем. Гражданский хирург поручил бы это дело сестре, но у военных иначе. Мы и повязки сами меняем – это позволяет видеть последствия операции. Хочешь сделать что-то хорошо – сделай сам.

Я взял мальчика со стола и понес к выходу. Снаружи ко мне метнулся бородатый мужик – отец пацана. Он протянул руки. Подскочившая Оля набросила на них простыню. Я сгрузил ребенка на руки отца, Оля закутала его простыней. Подскочил переводчик.

– Не давать сегодня есть и пить, – сказал я, и переводчик забормотал по-арабски. – Он, впрочем, сам не захочет. На второй день можно сладкий чай или воду. На третий – куриный бульон и протертую курицу, затем – кашу и кислое молоко. Через неделю можно есть и другое, но пища должна быть легкой. От боли давайте таблетки, не более одной за раз (Оля сунула под простыню блистер). Через семь дней можно снять швы. Это сделает любой медик.

– Альф щукр![1 - Тысяча благодарностей! (араб.)] – выдохнул бородатый. – БаракаЛлаху фика![2 - Пусть Аллах благословит вас (араб.).]

Он залопотал по-арабски, мотая головой.

– Говорит, что это его единственный сын, и вы спасли его род, – сообщил переводчик. – У него нет денег, чтобы отблагодарить вас – война разорила всех, но он будет молить Аллаха, чтобы тот был милостив к вам. Он хочет знать ваше имя.

– Игорь.

– БаракаЛлаху фика, Игор! – кивнул бородач и унес сына машине. Взревел мотор, и старый пикап укатил прочь.

– Закурить есть? – спросил я у переводчика.

Он полез в карман и достал пачку. Я взял сигарету и сунул в рот. Сириец щелкнул зажигалкой.

– Щукран[3 - Спасибо (араб.).].

– А-фуан[4 - Пожалуйста (араб.). Правильно: «аль-афу», но обычно произносят так.], – сказал он и перешел на русский. – Вам не за что благодарить меня, господин. То, что вы делаете для нас, мы никогда не забудем. Будем молить Аллаха, чтоб он сохранил вас.

«В Афгане тоже обещали, – подумал я. – Отец говорил. И что вышло?»

Отец ездил в Афганистан трижды. Вернулся с 40-й армией. Ему тогда было 43, а мне 15. Как мы с мамой радовались!..

Я кивнул переводчику. Тот поклонился и убежал. Я затянулся и покрутил головой. Смотреть было не на что. Полуразрушенное селение с серо-коричневыми домами, невысокие холмы в отдалении, дорога – все такого же унылого цвета. И пыль. В Сирии она везде, даже в Дамаске. Как тут люди живут? Привыкли, наверное. Человек ко всему привыкает, даже к смерти. Это я о врачах. Хотя видеть, как гибнут дети…

– Товарищ майор!

Хотиненко, наш тыловик.

– Собираемся, лейтенант. Сегодня все. Пациенты кончились.

Он козырнул и побежал к палатке. Сейчас из нее вытащат оборудование и отнесут в грузовик. Затем снимут палатку…

Бу-бух! – грохнуло за холмом. Я глянул вверх. Время будто замедлилось. Каплеобразный предмет падал на меня с неба. Летел медленно, будто не торопясь. «Мина!» – сообразил я, но ничего сделать не смог. Меня будто парализовало. Мина скользнула с неба и ткнулась в землю в шагах трех от меня. Я видел, как пошел трещинами ее корпус, открывая спрятанный внутри огонь. Он плеснул наружу и полыхнул в мою сторону. «Вот и отблагодарили!» –

мелькнула мысль и исчезла. А вместе – и все остальное…

1

Жара… Невыносимо жарко! Я, голый, лежу среди обломков вертолета. Рядом изломанные тела, по позам видно, что трупы. Один я уцелел? Но почему вертолет? Меня везли в госпиталь? Вспоминаем. Я попал под разрыв мины. Потом, значит, был вертолет, а тот упал. Сам или сбили? Не все ли равно? Кто найдет меня раньше: свои или игиловцы? Их здесь почистили, но порой шастают. Кто-то ж стрелял из миномета… До Хмеймима[5 - Военная база России в Сирии.] мы, значит, не долетели.

Почему так жарко? Я прямо горю. Летом в Сирии пекло, но сейчас осень.

Болит живот, сильно. Рука скользит вниз, натыкаюсь на повязку. Живот забинтован. Прикрыли рану? Щупаю марлю – сухая. Сую палец под бинт – узелок, под ним – шов. Оперировали. Но кто? Владик? Он бы не стал. Стянул бы рану и отправил в Хмеймим. Правильно, между прочим. Но вертолет упал…

Боль… Почему не вкололи промедол[6 - Синтетический анальгетик, по воздействию близок к морфину.]? Или действие кончилось? Тогда давно лежу. Плохо. Подохну, прежде чем найдут. Но если найдут игиловцы… Лучше умереть, как мои спутники. Пытаюсь пошевелиться. Приступ боли пронзает тело. Я застонал и инстинктивно прижал ладонь к животу. От руки полилось тепло. Боль стала уходить, и я держал ладонь, пока она не исчезла совсем, после чего провалился в темноту…

Свет… Открываю глаза. Надо мной потолок – белый, с трещинами. Под ним – лампочка на проводе. Она не горит – свет льется из окна. Кручу головой. Небольшая комната вроде чулана. Я лежу на топчане у стены. В углу напротив свалены какие-то тюки и ящики. На больничную палату не похоже. Топчан голый, покрыт клеенкой. Даже матраса не подстелили! Подушки с одеялом нет – одна простыня, да и ту набросили сверху. Плохо. Я не у своих.

Пытаюсь сесть. Живот заныл, но с прежней болью не сравнить. Лекарство вкололи? Вряд ли. Не похоже, чтоб обо мне заботились. Голый топчан в чулане для тяжело раненного… Сколько я спал? Сказать трудно. Часов нет – снял их перед операцией, телефона – тоже. На мне вообще ничего нет, в чем убеждаюсь, откинув простыню. А насчет операции не ошибся. Повязка закрывает живот от подвздошной области до лобка, следы йода – аж до ребер. Славно распороли! Осколок угодил в живот, поврежден кишечник? Тогда неплохо себя чувствую. Температура есть, но небольшая, боль умеренная.

Осторожно приподымаю бинт. Мощный шов, вязали со всей дури. Ну, так жир стягивали – у меня его полно. К сорока годам спереди образовался курдюк – следствие хорошего аппетита и любви к пиву. Стоп! Под повязкой жира нет – худой, впалый живот. Это почему? Подношу руку к глазам. Неровно остриженные ногти, под ними «траурная» каемка. У меня такого не может быть! Хирурги стригут ногти до «мяса». Что за хрень?

Стараясь не тревожить рану, осматриваю тело. Оно не мое! Рыжеватая шерстка груди, такая же – на руках и ногах. А я брюнет. Со временем добавилась седина, придав волосам окрас перца с солью. Я невысокий и коренастый, а тут длинные ноги и приличный рост. Брежу?

Провел ладонью по голове – волосы. С годами я полысел. Растительность по бокам головы стриг коротко. А здесь волосы, да еще густые. Что за дела?

Откинувшись на топчан, размышляю. Паники нет, как и радости. Опыт позволяет понять, что не брежу – слишком четкие ощущения. В бреду чувства смазаны, превалирует одно. Например, страх. Но его нет. Я могу осмотреться по сторонам, пощупать топчан и стену. Тактильны восприятия четкое, руки и ноги подчиняются. Отсюда вывод: непонятным образом мое сознание оказалось в другом теле. Такое возможно? Прежде б не поверил, однако действительность убеждает. Вспоминаем. Я прооперировал мальчика, у него был аппендицит. Отдал ребенка отцу и остался курить у палатки. Я этим не увлекаюсь, но иногда тянет. Хотиненко убежал сворачивать госпиталь, Ольга ушла следом. Я стоял один. Прилетела мина и взорвалась передо мной. Я погиб? Скорее всего. Уцелеть в такой ситуации маловероятно. А как же вертолет, трупы? Это бред. Спутанное сознание, непонятная жара. Мне было плохо, отсюда видение. На деле разум, покинув мертвое тело, переселился в другое. Это факт, и я его отлично осознанию.

Кем был хозяин тела? Не знаю. Его присутствия я не чувствую, и это хорошо. Раздвоение личности не лечится. Вторая сторона этой ситуации – неизвестность. Человек живет в обществе. У него есть имя и фамилия, родственники и друзья, профессия и работа, наконец. Знаний об этом у меня никаких. Ну, и что дальше? Как жить?

Размышления прерывает скрип двери. В комнату входит молодая женщина. На ней белый передник с красным крестом на груди, под ним – платье до пят, на голове белая косынка с красным крестом. В одной руке – швабра, в другой – ведро. Поставив ведро на пол и прислонив швабру к стене, женщина принялась полоскать тряпку. Я наблюдал за этим с изумлением. Швабра – деревянная, ведро – медное! Красный крест на переднике. Что за хрень? Где я?

Вместе с девушкой в комнату ворвался запах хлорки. Издалека донеслись стоны. Больница? Я присмотрелся к уборщице. Девушка, совсем юная. Круглое лицо, не сказать, чтоб красивое… Фигура рыхловатая, с фитнесом не дружит. Косынка на голове скрывает волосы, цвета не разглядеть. На ногах какие-то допотопные башмаки.

Отжав тряпку, уборщица шлепнула ее на швабру и стала тереть пол. Запах хлорки усилился. В мою сторону девушка старательно не смотрела. Это почему? Дождавшись, когда она, склонившись, сунула швабру под мой топчан, я тронул ее за плечо:

– Девушка?

Ответом был визг – громкий и заполошный. Бросив швабру и едва не сбив ведро, уборщица вылетела из палаты. Что с ней? Я выгляжу страшно? Долго думать не пришлось. Послышался топот, и в палату ворвалась толпа. Ну, насчет толпы мне показалось. Гостей оказалось трое: мужчина в белом халате и с такой же шапочкой на голове и еще двое в военной форме с фуражками на головах. Последней явилась знакомая уборщица. Она замерла у дверей, не решаясь пройти дальше.

Подбежав к топчану, гости уставились на меня.

– З-здравствуйте! – прохрипел я. В горле будто наждачкой прошлись.

Не отвечая, мужчина схватил мою руку и приложил пальцы к лучевой артерии. Некоторое время слушал пульс. Затем бросил руку, наклонился и заглянул мне в глаза. После чего приложил тыльную сторону ладони ко лбу.

– Ничего не понимаю! – сказал минутой спустя. – Пульс частый, но хорошего наполнения, температура повышена, но немного, зрачки в норме. Живой?

– А был мертвый? – поинтересовался я.

– Вроде, – сказал он и смутился. – Принесите стул! – бросил спутникам. Один из них выбежал и вернулся со стулом. Врач, а это был он, сел и достал из кармана какую-то деревяшку. Приложив ее одной стороной к моей груди, к другой приник ухом. Я смотрел, не веря глазам. Слуховая трубка врача! Видел такую в интернете. Древность дикая. Это куда меня занесло?

Посмотрел на врача. На вид – лет пятьдесят. Морщины, седая бородка клинышком. Халат стянут на спине многочисленными завязками. Они и на шапочке позади. Это где ж такое носят?

Завершив слушать, врач убрал трубку. Задумчиво посмотрел на меня.

– Что вы помните?

– Ничего, – признался я.

– У вас был аппендицит, гнойный. Пока довезли с передовой, он лопнул. На повозке растрясло.

Передовая? Повозка?

– …Перитонит, безнадежная ситуация, но я решил оперировать. На фронте затишье, раненых мало, – он почему-то смутился. – Операция прошла хорошо. Вас отнесли в палату и поручили сиделке. Вечером она прибежала и сообщила, что вы перестали дышать. Я поспешил за ней и убедился, что все так. Пульса не было, как и дыхания. Признал смерть…

Он кашлянул.

– Ночь, мертвецкая закрыта, не желая подымать шум, я велел отнести вас сюда. Это кладовая, – он кивнул в угол в сторону уже виденных мной тюков. – Вас уложили на топчан и прикрыли простыней. Днем собирались обрядить и нести на кладбище. А вы взяли и воскресли… – он покрутил головой.

– Я живучий.

– Соглашусь! – кивнул он. – Хотя странно. Как вас зовут, помните?

– Нет.

– Чин, полк?

– Нет.

– Кислородное голодание мозга, – кивнул он. – Некоторые участки отмерли. Значит, смерть все же была. Клиническая… Голова болит?

– Нет.

– Будем наблюдать, – сказал он и встал. – Вас отнесут в палату.

Он глянул на санитаров. Один из них выскочил наружу и вернулся с носилками. Те оказались деревянными. Между двух жердей натянут брезент. Убожище! Меня взяли за плечи и ноги и переложили на носилки, предварительно укутав в простыню. Санитары взялись ручки. Врач двинулся к двери.

– Доктор! – окликнул я его. – Так кто я?

– Совсем память потеряли? – покачал головой он. – Вольноопределяющийся Могилевского полка седьмой пехотной дивизии Валериан Витольдович Довнар-Подляский.

Приплыли…

* * *

– Бачу[7 - Смотрю (бел.).] барин на нарах ляжыць и енчыць[8 - Стонет (бел.).]. Кепска[9 - Плохо (бел.).], думаю. Я – да вунтера, так, вось, и гэтак. Вунтер да ахфицера пайшов. Той и кажа: вязите у лазарэт. Пока воз знайшли, каня запрэгли… Ды и ехать тут десять верст. Привезли – а барын у непритомнасци[10 - Без сознания (бел.).]. Памрэ, думав. Але доктар добры, выратавав[11 - Спас (бел.).].

Федор умолкает и сворачивает цигарку. Закуривает. Махорка, но запах приятный. Федор (себя он зовет «Хведар», с ударением на последнем слоге) – сослуживец моего донора. Проведать пришел. Не сам – офицер послал. Хочет знать: как там подчиненный? Федор рад. Десять километров отмахал, но нисколько не огорчен. Уйти с передовой для солдата радость. Лазарет расположен на окраине села, а в нем – лавки. Можно забежать и чего-нибудь купить. Ах да, лавка…

Лезу в карман и достаю бумажник.

– Держи, братец! – сую Федору червонец. – Благодарю.

Глаза его загораются. Десять рублей – большие деньги. Пусть берет – у него дети. Федор об этом сразу сказал – неспроста, ясно. Хитроватый белорус. Пусть. Деньги у меня есть, верней, у Довнар-Подляского. Не могу привыкнуть, что я – это он, но придется.

– Как там в роте?

Федор прячет купюру, сдвигает фуражку на затылок. По лицу видно: говорить в лом. Ему бы лавку. Но сбежать сразу неудобно – денег дали.

– Герман не турбуе[12 - Не беспокоит (бел.).], сядзиць тиха. Ну и мы гэтак…

Киваю. Речь Федора льется плавно. Понимаю через раз: говорит по-белорусски. Ну, так полк Могилевский… По идее, должен понимать – сам местный, но это донор. Сам я в Белоруссии не бывал – как-то не довелось. Федор увлекся и машет руками. Подпоручик Розен, субалтерн-офицер[13 - В Российской (и не

только) императорской армии – младший офицер в роте, не имеющий определенной должности. Старший куда пошлют.] роты, избил какого-то солдата – застал спящим на посту. Но солдат рад – это лучше, чем под суд. Пару зубов выбили – ерунда. Его благородие, командир роты, штабс-капитан Ермошин, мордобой не одобряет. Но он запил и не выходит из блиндажа. Денщик таскает ему водку. Ходит за ней в село – там у него лавочник знакомый. Федору сказал, что деньги у благородия кончаются, скоро протрезвеет. Скорей бы! Командир хоть и строг, но нижним чинам морды не бьет. Розена же хлебом не корми, дай в рыло сунуть. Пока капитан пьет, он главный в роте. При Ермошине присмиреет…

М-да. В роту мне нельзя. Бить меня вряд ли станут – я вольноопределяющийся, но кто знает? Терпеть точно не стану и дам сдачи. А это трибунал. В любой армии такого не прощают. К тому же в роте донора хорошо знают. Проколюсь вмиг. Объяснить, что утратил память? Не поверят. Что-то должен помнить, а у меня с этим ноль. Пойдут разговоры: «Царь не настоящий!», контрразведка подтянется… Мне этого не надо.

– Благодарю, братец!

Федор вскакивает.

– Бывай, барин!

Ишь как припустил! Деньги карман жмут. Гадом буду, за выпивкой полетел. Про ротного говорил с завистью, губами чмокал. Водку солдатам не продают, но самогона в селе завались – санитары говорили. Я с ними дружу, как и с сестрами. Славные барышни! Мундир мой постирали и отутюжили, сейчас он на мне. Денег не взяли, хотя предлагал. Грех с защитника Отечества. Федор глазом не моргнул. Для него я барин, с него денежку содрать – благое дело.

Снимаю фуражку и кладу на лавку. Солнце припекает. На дворе май пятнадцатого года. Тысяча девятьсот… Погоды отличные. Живи и радуйся, если б не война. Но она не та, что в моем мире. Поначалу думал, что угодил на Первую мировую. Попросил газеты, мне их принесли. Глянул – и понял. Почему? Орфография другая. Нет буквы «ять», фиты и «и» десятеричного, в окончании слов отсутствует твердый знак. В моем мире орфографию реформировали большевики, здесь обошлось без них. На российском престоле не Николай под

номером два, а Мария Третья. У нее на днях тезоименитство было, газеты по этому случаю елей лили. Но не все. Либеральные показательно отмолчались. Не все ладно в государстве российском…

В имении, где разместился лазарет, нашлась библиотека, в ней – «История России с древнейших времен». Автор – Соловьев. Проштудировав ее, я нашел развилку. Не было здесь Петра I. Царевич имелся, а императора не случилось – погиб в противостоянии с Софьей. Как в моем мире поскакал в Троице-Сергиев монастырь, но не доехал – нарвался на стрельцов. «Кому-то под руку попался каменюка. Метнул, гадюка, и нету Кука…» Камней не было, конечно, но пищали у стрельцов имелись. Ночь, непонятные личности на рогатки прут… Залп – и не стало Пети. Софья обвинила во всем немцев. Дескать, плохо влияли на царевича, на бунт подбивали. Ближнее окружение Петра пошло на плаху, Лефорт – первым. Нарышкиных, родню Петра, сослали, Софья осталась регентом при больном брате Иване. После его смерти села трон. В этом мире она прожила 66 лет – на двадцать больше, чем в моем. Ну, так там она в заключении пребывала – братец определил…

Оказалось, что для реформирования страны не обязательно уничтожать население собственной страны, как то делал Петр. Историки сочинили много небылиц, а граф Толстой, который Алексей, воспроизвел их в романе. Дескать, глядите: какой царь был! Лапотную Русь преобразовал! Одна современная армия чего стоит! Как будто полков иноземного строя до Петра не имелось. И театр был. Брить бороды да полы кафтанов резать ума много не надо. В этом мире реформы проводил фаворит Софьи, Голицын, человек умный и образованный. При Петре он окончил жизнь в ссылке, а вот при Софье развернулся. Как и в иной истории в Россию потекли ученые из Европы, появилась современная промышленность и наука. В России делали ружья и лили пушки, полки иноземного строя вытесняли стрельцов. А вот преклонения перед Западом не случилось, в европейские дела Россия не лезла. Для начала разобралась с Крымом, затем – с турками. Потом пришел черед Польши. К девятнадцатому веку границы России мало отличались от тех, что имелись в моем мире. Победоносными российскими армиями командовали Румянцев и Суворов, Кутузов и Багратион.

Карл XII в Россию приходил, но воевать с ним не стали – откупились. Довольный швед забрал золото и пошел в Европу, где и сложил голову – намного раньше, чем в моем мире. Его смерть вызвала замятню в Швеции. Воспользовавшись моментом, Россия вернула оккупированные земли. Вышло, что окно в Европу не

прорубили, а аккуратно прорезали. На острове Котлин возвели крепость, которая закрыла путь шведам к Невской губе. Те пытались атаковать, но огребли по полной. Тихим сапом Россия отжимала территории на Балтийском побережье, пока не утвердилась на них. Петербург здесь так и не возник, ограничились Кронштадтом, который назывался Котлиным. Столицей государства оставалась Москва.

Если в России история изменилась, то в Европе она катилась по знакомым путям. Революция возвела на трон горячего корсиканца. Наполеон принялся перекраивать карту Европы. Французская армия покоряла одно государство за другим, пока не остановилась у русской границы. Россия с Наполеоном не воевала. Аустерлица не было, как и Прейсиш-Эйлау[14 - Город в Пруссии, близ которого в 1807 году состоялось кровопролитное сражение русской и французской армии.]. Корсиканца это не остановило. Он вошел в клинч с Англией, установив ей континентальную блокаду, Россия на это чихала. Наполеон выкатил ультиматум: присоединяйтесь, не то буду воевать. В ответ получил дулю. Император обиделся и переправил армию через Неман. Результат вышел тот же. Русской армией изначально командовал Кутузов. Отступая с арьергардными боями, он заманил Наполеона к Москве, а затем фланговым ударом перерезал коммуникации противника. Сражение у Воробьевых гор французы проиграли и покатились назад. Отступать пришлось по той же Смоленской дороге. Огромная армия растаяла, как сугроб весной. История повторилась: бросив гвардию, Наполеон укатил в Париж.

За границу русская армия не пошла. «Врага со своей земли выгнали, а там вы сами разбирайтесь!» – заявил император Михаил II в ответ на просьбы европейских монархов. Разбирались с корсиканцем долго. Войны кипели до смерти Наполеона, который скончался в Фонтенбло в окружении семьи и маршалов. Ватерлоо и ссылки на остров Святой Елены не случилось. На трон Франции возвели малолетнего сына Наполеона. Его мать, дочь австрийского императора, стала регентом. Родственники договорились о мире. Франция приросла территориями, получив Бельгию и кусок Германии, и стала самой мощной державой на континенте. Не считая России, конечно.

Провозглашенная Софьей политика: не лезть в чужие дела, а заниматься своими, пошла на благо России. В этом мире она жила богаче, войны не разоряли страну. Крепостное право отменили после разгрома Наполеона, да и не было оно таким, как в моей истории. На престоле сидели не пришлые немки, которые подкупали дворян привилегиями. Дворянство служило. Табель о рангах ввели

при Софье, и она не отличалась от той, что я знал.

Нелюбовь к немцам, которые подвигли Петра на бунт, побудило Софью наказать наследникам не брать в жены заграничных принцесс, а наследницам – не выходить замуж за иностранцев. Софья изменила порядок престолонаследия. Корону получал старший отпрыск царя независимо от пола. Это уберегло Россию от дворцовых переворотов, которые сотрясали ее в моем мире. Интересно, но наибольших успехов Россия достигла под управлением государынь. Мужики себя как-то не проявили.

Династия не прерывалась. Незамужняя Софья не имела детей, ей наследовал племянник. Покойный Петр оставил беременную жену, та родила сына. Преемник рос под присмотром тетки, она воспитала его по своему разумению. Алексей I свершениями не запомнился, но и наследства не растерял. Его дочь, Екатерина, решила крымский вопрос и прогнала турок. При ней расцвел гений Румянцева и Суворова, оперился Кутузов. Екатерину сменил Михаил I, ну и далее по списку.

В девятнадцатом веке Россия мало воевала. Нашествие Наполеона, усмирение Кавказа, турецкая война, где Россия выступила одним фронтом с Австрией. В результате под руку русского императора отошли черноморские проливы. Россия возвела там крепости, обеспечив беспрепятственный выход в Средиземное море, чем и успокоилась. Крымской войны не было.

Усиление России не нравилось джентельменам, которые хотели править миром. Мало им колоний, понимаешь! Верная привычкам, Англия стала науськивать Германию. Та и здесь сумела объединиться, но в меньших масштабах. Граница с Францией у нее проходила по Рейну, польская граница совпадала с той, что имелась в моей мире. Независимость Польше даровал Наполеон в благодарность за дивизии, которые поляки поставляли в его армию. Россия не возражала, только забрала земли, населенные белорусами, и пожелала панам удачи. Белосток в этом мире был русским, как и Сувалки.

Невоюющая армия деградирует. Это подтвердилось и в России. Предпоследний император, отец Марии, армией не занимался. Зачем, если и Европа и так дрожит? «Балы, красавицы, лакеи, юнкера…» Император жрал, пил и волочился за юбками. Коррупция поразила государственный аппарат. Россия, ранее опережавшая Европу, стала отставать. Алексей III на это плевал – юбки его интересовали больше. Этим воспользовались джентльмены. Они натравили

Японию. Случившаяся война, как и в моем мире, едва не кончилась поражением. Русский флот японцы сумели разгромить, а вот на суше не вышло. Транссибирскую магистраль здесь построили раньше, причем в полном варианте. Россия перебросила войска и невероятными усилиями, и большой кровью вынудила японцев убраться. Война кончилась ничьей, хотя обе стороны заявили о победе. В России этому не поверили.

Недовольство политикой царя в стране копилось давно, война с Японией прорвала этот гнойник. Начались демонстрации и бунты. Ситуацию подогревали джентльмены, которые не жалели денег революционерам. В разгар событий умер Алексей III, причем позорно, на любовнице. Весть об этом разнеслась по стране. Общество всколыхнулось. «Долой самодержавие!» – зазвучало на улицах. Быть бы революции, если б не ум новой государыни. Мария не походила на отца. Волевая и умная, она крепко держала власть в своих ручках. С одной стороны, обществу даровали волю. Появилась Дума с выборными депутатами, свобода слова и печати. С другой – жестко подавили бунты. Армия поддержала вдову офицера, погибшего под Мукденом. Общество притихло, наблюдая за государыней. Она не разочаровала – коррумпированных министров отдали под суд, систему управления перетрясли, число отправленных в отставку чиновников исчислялось тысячами. Пошли под суд адмиралы и генералы, проигравшие войну. Был принят и жестко соблюдался закон о предприятиях. Рабочий день ограничили десятью часами, для несовершеннолетних – восемью. Заводчикам запретили штрафовать персонал. Ассигнования на содержание царского двора сократили втрое, великие князья его лишились. Недовольным Мария заявила, что в стране большой спрос на образованных людей, а Господь заповедал зарабатывать хлеб в поте лица своего. Высвободившие средства направили на просвещение и медицину. За пять лет число школ в России возросло в разы. Одна за другой открывались больницы для народа. Их рост сдерживала только нехватка врачей.

Параллельно шло перевооружение армии. При Алексее III отечественных конструкторов не привечали, поэтому Россия закупила за границей передовые образцы вооружения вместе с оборудованием, нужным для его производства. Старые заводы модернизировали, построили ряд новых. На вооружении состояла винтовка Манлихера, хотя в тыловых частях ходили с берданками. В России производили пулеметы и орудия, самолеты и автомобили. Новые уставы, созданные после русско-японской войны, изменили тактику пехоты и флота. Русская армия обретала силу.

Это не устроило джентльменов. Эмиссары из Лондона зачастили в Берлин. Крючок они нашли. После войны с Наполеоном Россия захватила Кёнигсберг. На законном основании, к слову: Пруссия воевала на стороне Франции. Кёнигсберг плохо лежал, и не подобрать его было глупо. Пруссия только зубами поскрипела. Прошел век, Германия стала единой. Набрав мощь, она осмотрелась по сторонам и увидела, что мир поделили без нее. Воевать за колонии? Но с кем? С Францией чревато: у той сильная армия и флот. Англия далеко, к тому же флот у нее мощный. Оставалась Россия, ослабленная войной с Японией. И англичане пальцем показывают: вон сколько жизненного пространства!

Кайзер потребовал вернуть Кёнигсберг, причем грубо. Получил соответствующий ответ: Кёнигсберг аннексирован Россией на законном основании, и никто в Европе против этого не возражал. Население города и прилегающих земель обратно не хотят. Это было правдой: в России немцам жилось сытно. А вот Германия голодала. Кайзер проводил политику «пушки вместо масла». Недовольство подданных он направил в сторону России. Дескать, разжирела на немецких землях. В Германии заиграли марши. Для начала она раздавила Польшу. А чего стеснятся? Те же славяне. Хотя поляки клялись, что враждуют с русскими и предлагали бить их вместе. Немцы не согласились. Зачем делиться, если можно забрать все? Пройдя паровым катком по Польше, Германия остановилась у русской границы. Подтянув тылы, перешла и ее. Случилось это третьего августа 1914 года. История почти повторилась.

Напади Германия на Россию в моем мире, мы бы не устояли. Там немцы несколько лет успешно сражались на два фронта. Здесь они оказались слабее. Но и так начало кампании выдалось для России неудачным. Она не успела перевооружить армию и научить ее воевать. За это пришлось платить кровью. Русская армия отступала, пока не докатилась до середины Белоруссии. Здесь фронт встал – немцы выдохлись. Русским помогла Франция – немцев там традиционно не любили. Французам не нравился воинственный сосед, который, расправившись с одним противником, мог обратить взор на другого. Через Средиземное море в Россию потекли конвои с оружием. Англичане пытались мешать, но Франция вывела в море линкоры. Затевать войну джентльмены не решились.

Несмотря на помощь, Россия изнемогала. Не хватало оружия и боеприпасов, с медицинской помощью обстояло того хуже. Нехватка медицинского персонала, отвратительная организация помощи раненым – все это сказывалось на результатах. Об этом мне рассказал Николай Карлович, начальник лазарета и

тот врач, который определил меня в мертвецы. Верней, моего донора. Я удостоился повышенного внимания со стороны надворного советника, сообщив, что учился медицине. Где? В Мюнхенском университете. Окончил четыре курса, но с началом войны сбежал, чтоб не оказаться в лагере. Подданных России Германия интернировала. Перебрался в Швейцарию, а оттуда кружным путем сумел вернуться домой. В результате бегства утратил документы об учебе, потому и пошел вольноопределяющимся.

Эту историю я придумал. Проверять вряд ли будут. В стране война и сопутствующей ей бардак. А я хирург, и единственное, чем могу заняться здесь, так это лечить людей. Человек должен приносить пользу, иначе жизнь его не имеет смысла.

– Не стоило скромничать! – укорил меня доктор. – Подумаешь, документы! Дворянам верят на слово. Нам не хватает врачей. В лазарете я единственный хирург, других взять негде. По мобилизации прислали венеролога и дантиста. Есть два фельдшера и операционная сестра. Санитаров и сестер милосердия я не считаю. Они ходят за больными, но лечить их не могут. И вот с такими кадрами я обеспечиваю санитарные потребности дивизии! А вы в Мюнхене учились. Оперировать приходилось?

– Не однажды.

– Посмотрим! – оживился он.

Через два дня после этого разговора в лазарет привезли раненых. Немцы вели беспокоящий огонь, снаряд угодил в русскую траншею. Двух солдат убило, троих ранило. Одному из них осколок размозжил голень. Даже в моем мире это кончилось бы ампутацией, здесь и говорить нечего. Под надзором Карловича я удалил солдату ногу.

– Замечательно! – оценил он. – Видно, что держали ланцет в руках. Хорошо учат немцы! Я подам рапорт в санитарное управление корпуса с просьбой зачислить вас в лазарет зауряд-врачом. Не возражаете?

– Буду рад! – сказал я.

– Договорились! – сказал Карлович и убежал писать рапорт. Сегодня он повез его в штаб корпуса. Разумеется, не ради меня. Следовало поторопить интендантов с поставками медикаментов и других материалов, а рапорт – заодно. А меня навестил Хведар, и мы отправились в парк. При имении он есть…

– Валериан Витольдович! Валериан Витольдович!..

Оглядываюсь. Ко мне, размахивая руками бежит сестра милосердия. Что-то случилось. Вскакиваю и иду ей навстречу.

– Раненого привезли, – говорит сестра, подбегая. – Тяжелого. Ранение в грудь. Николай Карлович в отъезде, велели звать вас.

– Идем!..

2

Раненый выглядел ужасно. Сознания нет, тело раздуто, как у рекламной фигурки «Мишлен». Грудь, живот, ноги, руки, шея… Лицо синее, губы черные. Дыхание еле прослушивается. Пульс частый и слабый, на груди окровавленная повязка. Травматический пневмоторакс. Из-за ранения легкого воздух при выдохе поступает в ткани и под кожу, накапливается в средостении. Он сдавливает сосуды и внутренние органы, в том числе сердце. Получить представление о состоянии легких невозможно. Все тело вздулось. При нажатии эти воздушные подушки хрустят, как снег под ногами. Убираю руки.

– Отходит, бесполезно.

Это Акимович, фельдшер. Ему сорок лет. На своем веку он видел много смертей, и смотрит на них философски. Стоящие рядом врачи молчат, что понятно. Венеролог и дантист…

– Почему поздно привезли? – возмущаюсь.

– Пехота, – пожимает плечами Акимович. – Мужики в шинелях. Пока сообразят…

Мужиков Акимович не любит, хотя сам из крестьян. Но он выучился и стал уважаемым человеком (фельдшер в полку – величина), а те пребывают в темноте. Знакомая картина. Леокадия, хирургическая сестра, смотрит на меня.

– В операционную!

– Но… – пытается возразить Акимович.

– Живо!

Фельдшер поджимает губы. Я не имею права на него кричать. Он классный фельдшер в чине коллежского секретаря, а тут какой-то вольноопределяющийся. Леокадия приходит на помощь и кивает санитарам. Те бегом несут раненого в операционную. Мы с сестрой спешим следом. На счету каждая минута. Мне помогают облачиться в белый халат и шапочку. Я надеваю кожаный фартук и мою руки. Резиновых перчаток здесь нет, поэтому тщательно тру пальцы щеткой. Ногти у меня обрезаны до мяса. Санитар подносит плошку со спиртом, льет его на ладони. На лицо его написано неодобрение – спирту он нашел бы лучшее применение. Но мне нет дела до его переживаний. Растираю спирт, он сушит руки. В голове крутятся мысли. Что делать? Провести дренаж по Бюлау не могу – нет троакара. Это инструмент для проникновения в полости человеческого организма, выглядит как стилет с трубкой внутри. Даже не знаю, изобрели ли их здесь. Хирургический инструмент в лазарете скудный. Лезь в плевральную полость скальпелем? Чревато. В голове что-то мелькает. Стоп! Я читал о таком случае в мемуарах немецкого военного врача, который служил в Вермахте. Он тогда оперировал русского военнопленного. Вспоминаем…

Санитар завязывает у меня на затылке тесемки марлевой повязки. Подняв руки вверх, вхожу в операционную. Леокадия уже там. Стоит у операционного стола, так же подняв руки. Раненый лежит на спине, прикрытый простыней. Беру склянку с йодом и обильно мажу палочкой с ватой горло пациента.

Леокадия уставилась на меня. В глазах над марлевой повязкой изумление. Не там мажу, не потребовал наркоз. Но здесь он долгий: эфир капают на марлевую маску на лице больного. На это нет времени, раненый все равно без сознания. А где резать, я знаю.

– Так нужно, – говорю ей и беру скальпель. Делаю разрез под челюстью. Брызжет кровь.

– Зажим!

Леокадия ловко пережимает сосуды. Крючком оттягиваю край раны. Что дальше? Чтобы сдвинуть ткани и дать выход воздуху, немец совал в рану ножницы. Выбираю тупоконечные и толкаю. Из открывшейся раны летят брызги крови. Выходящий воздух захватил их. Держу ножницы и крючок, пока пациент сдувается, как воздушный шарик. Уходит цианоз, кожа начинает розоветь. Леокадия смотрит на меня, и я не могу понять, что в ее глазах. Похоже, одобрение. Оставляю ножницы в ране, беру с подноса шприц с раствором кокаина (здесь его используют как анестик) и делаю уколы в нервные окончания по сторонам шеи. Если раненый очнется – болевой шок гарантирован, нам этого не надо. Новокаин был бы лучше и дешевле, но его нет. Производят только в Германии, купить невозможно. Беру гуттаперчевую маску, кладу ее на лицо пациента и открываю вентиль баллона с кислородом. Газ пошел. Теперь можно заняться ранением в грудь. Извлекаю ножницы и беру хирургическую иглу с ниткой. В несколько стежков зашиваю рану на шее. Леокадия, догадавшись, разрезает повязку на груди пациента. Молодец, недаром ее Карлович ценит. Дальше привычная работа. Резекция ребер, извлечение осколка. Ушиваю легкое, послойно – ткани. Пока вожусь, Леокадия контролирует пульс и дыхание больного. По ее глазам видно, что они в норме.

Покончив с раной, бинтую грудь пациента. Беру с подноса толстую иглу для переливания с гуттаперчевой трубкой. Втыкаю ее между ребер над диафрагмой. Из трубки капает кровь – скопилась в плевральной полости. Подставляю банку.

– Когда кровь выйдет, иглу убрать, – говорю сестре. – Не то начнет сосать воздух и будет новый пневмоторакс.

Леокадия кивает. Я зову санитаров. Они входят в операционную, снимают раненого со стола и укладывают на носилки. Уносят. Выхожу в предоперационную. Окровавленной рукой стаскиваю с лица повязку – почему-то трудно дышать. Леокадия прибегает с тазом в руках. Водопровода здесь нет. Мою руки, вытираю их о поданное полотенце и стаскиваю фартук. Леокадия помогает снять окровавленный халат – у него завязки на спине. Я в свою очередь помогаю снять ей.

– Это… – она хочет что-то сказать. – Это было… Никогда такого не видела!

– Я – тоже.

– Но вы!..

– Действовал по наитию.

Не рассказывать же про немецкого врача… Меня потряхивает – отходняк. Раненый мог умереть на операционном столе – плохое начало для молодого хирурга. Все эти дни я тренировался – вязал узлы на выпрошенной веревочке. Нарабатывал моторику пальцев – хирургу это необходимо. Сделал себе четки из желудей, перебирал их в свободные минуты. Довнар-Подляскому пока далеко до майора медицинской службы Иванова. Но у меня получилось, и я счастлив. Осознать, что ты спас человека… К этому невозможно привыкнуть.

– У нас есть спирт? – спрашиваю Леокадию.

– Хотите сказать: водка? – улыбается она.

– Я бы выпил.

Она выходит и скоро возвращается. Санитар следом несет поднос. На нем чарка с прозрачной жидкостью, тарелка с соленым огурцом и кусочек хлеба. Солений у нас много – в погребе бочки стоят. Беру чарку и опрокидываю в рот. По горлу прокатывается огненная волна. Заедаю огурцом с хлебом.

– Пойду, проведаю раненого, – говорю сестре. – Как он там?

– Жить будет, – машет рукой Леокадия. – Поверьте моему опыту. Не первый год ассистирую.

– Но я все же посмотрю.

– Как хотите, – кивает она. Халат только наденьте… Доктор.

В первый раз слышу это от нее. Растем! Санитарка помогает мне облачиться в свежий халат. Иду в палату. Под нее в поместье выделили бальный зал. Он заставлен койками, большинство пустует. Пахнет потом, гноем и человеческим дерьмом. В реальности война не такая, какой ее показывают в кино. Это кровь и грязь, боль и крики умирающих. Возле одной из коек хлопочут сестры милосердия. Обтирают раненого влажными тряпками, меняют ему белье и постель. Раненый стонет. Сестры действуют привычно, не обращая на это внимания. Где мой пациент? Нахожу его на койке у стены. Раненый укрыт одеялом. Из-под него выбегает гуттаперчевая трубка, заканчиваясь в банке под кроватью. Там слегка пузырится темная жидкость – кровь выходит вместе с воздухом. Щупаю пульс. Нормальный – для его состояния, конечно. Дыхание частое, но ритмичное. Щупаю лоб: температура есть, но небольшая, сбивать не нужно. Приподымаю одеяло и кладу руку поверх повязки. Тепло пошло. В помещении полумрак и хорошо видно оранжево-зеленоватое свечение по краям ладони и между пальцами. Не знаю, откуда это у меня. Возможно, последствие переноса, возможно, дар в новую жизнь. Кто позаботился: Христос и Аллах? За меня молились, по крайней мере, обещали. А может, Бог не при делах, и это неизвестное науке явление? Если сознание переносит в другой мир, как об этом узнать? Рассказать некому. Для меня важно, что свечение целебно. Оно помогло мне преодолеть последствия перитонита в стране, где нет антибиотиков и других лекарств из моего мира, и такой диагноз означает летальный исход. Не знаю, зачем Карлович оперировал меня, возможно, тренировался. Он не любит об этом вспоминать: смущается и уходит от разговора. Я исцелил себя сам как в известном выражении[15 - Cura te ipsum – «Исцели себя сам». Крылатое латинское выражение.]. Понял это не сразу. Сначала изумление Карловича – как быстро поправился тяжелый больной, потом желание прикоснуться к ране. Тогда и заметил свечение. Удивился, но сопоставил факты. Тайком провел эксперимент с пациентами. Раны у солдат заживали буквально на глазах. Они, к слову, что-то заметили, и стали звать меня к себе. Я не отказываю. По лазарету пошел слух, что Довнар-Подляский лечит руками. Сам слышал, как санитары болтали в курилке. Я эти слухи не опровергаю, но и не подтверждаю. Самому непонятно.

Слабость, тянет в сон. Ощущение – будто мешки таскал. Свечение тянет много сил. Убираю руку и накрываю раненого одеялом. Иду к себе. С тех пор, меня признали врачом, я живу во флигеле, где получил комнатушку. При помещике в ней обитала прислуга. Комната небольшая, но с окном, обстановка спартанская. Узкая койка у стены, небольшой стол, табурет и вешалка у двери. Не страшно, бывало и хуже. Снимаю сапоги и прямо в халате заваливаюсь поверх одеяла. Спать…

* * *

– Валериан Витольдович! Проснитесь!

Меня трясут за плечо. Открываю глаза – Карлович. Вернулся, значит. Выглядит довольным. Под беленым потолком горит лампочка на шнуре – электричество в поместье есть. Из-за этого его, собственно, и выбрали под лазарет. Свет у лампочки тусклый и желтый, но хоть такой. Лампочка? Вечер? Сколько я спал?

– Пять часов, – говорит Карлович в ответ на незаданный вопрос. – Думаю, хорошо отдохнули. Вставайте! У меня для вас новость.

Встаю, опускаю ноги на пол. Тянусь к сапогам.

– Не спешите! – останавливает меня надворный советник. – Посмотрите туда! – Он указывает рукой.

Смотрю. На столе аккуратно разложена форма – здесь говорят «мундир». Гимнастерка с серебристыми погонами, шаровары, фуражка. Под столом – сапоги. Новые. Даже в тусклом свете заметно, как блестят голенища.

– Поздравляю вас зауряд-врачом! – говорит Карлович.

– Уже?

– А чего тянуть? – пожимает он плечами. – Дело ясное. Пришлось похлопотать, конечно, но в штабе меня знают. Не одного лечил. Рапорт подписали, а я взял на себя смелость получить вам мундир. Примерьте!

Карлович помогает мне снять халат. Стаскиваю гимнастерку и шаровары. Они порядком изношены, как и сапоги. Подметка в одном каши просит, собирался починить, да руки не дошли. Натягиваю на себя обновки. Все в пору – глаз у Карловича точный. Хирург…

– Погоны Меланья пришила, – сообщает надворный советник. – Или хотите пристегивать?

Кручу головой. Зауряд-военный врач – странная фигура. Приравнен к капитану, но не офицер. И не военный чиновник, как Карлович и Акимович. Это звание дают недоучившимся студентам и гражданским докторам. Квалификация невысокая, оттого их в шутку зовут «зауряд-вряд ли врач». Погоны у них пришиты к мундиру, офицеры и военные чиновники их пристегивают. Ну, так они растут в звании или чине, зауряду это не грозит. Некоторые, впрочем, погоны пристегивают – хотят походить на офицеров. Мне это без нужды.

– Идемте! – говорит Карлович. – Кое-что покажу.

Выходим из флигеля, пересекаем двор и входим в здание лазарета. По широкой лестнице поднимаемся на второй этаж и входим в кабинет начальника. Карлович подводит меня к столу, накрытом простыней. Резким движением сбрасывает ее. Боже! Хирургические инструменты! Скальпели, здесь их называют ланцетами, зажимы, расширители, пилы, ножницы… Новенькие, они блестят в свете лампы. Потрясенно перебираю инструменты. Они удобные, легко ложатся в ладонь. С прежними не сравнить.

– Нравятся? – улыбается Карлович. – Союзники поставили.

Союзники? Французы, что ли? Хреновые из них союзники, но за такое можно простить.

– Едва выдрал, – говорит Карлович. – Всего три комплекта на корпус пришло. Но меня в штабе знают, – подымает палец к потолку. – Не отказали…

Не могу оторваться от инструментов. А это что? Троакар? Непривычной формы, но явно он. Как мне не хватало его сегодня! Теперь заживем!

– Идемте!

Карлович буквально оттаскивает меня от стола. Куда, зачем? Приходится подчиниться. Выходим из кабинета и идем коридором. Карлович тормозит у дверей бывшей библиотеки. Книг там нет, на чердак отнесли, комната стала залом для совещаний. Карлович тянет на себя дверь и приглашает меня пройти вперед. Это с чего? Но спорить глупо, вхожу.

Опа! Явление первое. Накрытый стол, за ним медики лазарета. Врачи, фельдшеры, Леокадия, сестры милосердия. Их у нас семь, Красный Крест прислал в помощь. Милые и старательные девушки. Все смотрят на меня, чувствую себя неловко.

– Дорогие дамы и господа! Разрешите представить вам нового коллегу, зауряд-военного врача Валериана Витольдовича Довнар-Подляского! – провозглашает Карлович.

Собрание хлопает. Сестрички – с энтузиазмом, врачи и фельдшеры – вежливо. Леокадия улыбается, Акимович смотрит хмуро. Ну да, я на него накричал…

– Отправляясь в штаб корпуса, я рассчитывал, что в лице Валериана Витольдовича получу молодого доктора, которого придется учить, – продолжает надворный советник. – Но ошибся. В лазарете появился замечательный хирург. Мне рассказали об операции, которую провел сегодня Валериан Витольдович. Скажу честно: не поверил. Но потом осмотрел раненого и убедился. Не один десяток лет держу в руках ланцет, но такого бы не смог. Скажу более: не решился бы. Пациент был безнадежен. Валериан Витольдович не колебался ни секунды, в результате спас жизнь солдату. Поблагодарим его!

Все вновь хлопают. Акимович кривит губы. С ним нужно что-то делать, не хочу заводить врагов.

– А теперь слово виновнику торжества!

М-да. Прокашливаюсь.

– Благодарю вас, дамы и господа. Я не мастак говорить. Первым делом хочу извиниться перед коллежским регистратором Тимофеевым. Я был не прав, накричав на него. Простите, Кузьма Акимович!

Все смотрят на фельдшера. Тот чувствует себя неловко. Пожимает плечами.

– Да я ничего… Понимаю. Нервы…

– Мир? – подхожу и протягиваю ему руку.

Он радостно пожимает ее. Выглядит довольным. Шляхтич извинился перед сыном крестьянина. Акимович тоже дворянин, но личный, стал им благодаря чину. А мой донор – потомственный, да еще древнего рода. Откуда знаю? Карлович запросил данные в полку. Ему же рапорт писать, а там все указать нужно. Я в эти бумаги заглянул. Валериан Витольдович Довнар-Подляский, 23 года. Католического вероисповедания, сирота. Умершие родители оставили ему небольшое имение. Продав его, Довнар-Подлянский уехал за границу. Зачем – сведений нет. Это хорошо. Идет на пользу моей легенде…

– Остальным хочу сказать, что счастлив служить вместе с вами.

Щелкаю каблуками и бодаю головой. Все смеются. Восприняли как шутку – врачей не обучают строю. Вот и славно, атмосфера разрядилась.

– Прошу всех к столу! – объявляет Карлович.

Рассаживаемся. Мне отвели место по левую руку от начальника госпиталя. Леокадия устраивается справа от него. Мужчины и женщины садятся вперемежку, видимо, так принято. Кавалеры открывают бутылки с вином и наполняют дамам бокалы. Откуда здесь вино? Точно, Карлович привез. Себе мужчины напускают в рюмки водки. Она налита в графины. Посуда на столе приличная: тарелки, столовые приборы. Наверное, от помещика осталась. Карлович берет рюмку и встает.

– За здоровье ее императорского величества, государыни Марии Алексеевны!

Слышен шум отодвигаемых стульев. Все встают и оборачиваются лицом к портрету на стене. Государыня в парадном платье и орденской ленте через плечо смотрит на нас укоризненно. Дескать, вам только повод!

Выпиваем, садимся. Карлович снимает крышку фарфоровой супницы. Мешает половником.

– Леокадия Григорьевна?

Сестра подставляет глубокую тарелку. Карлович наливает ей и смотрит на меня. Торопливо подставляю тарелку, получаю свою порцию. Карлович наливает себе

и берет ложку. Некоторое время сосредоточенно едим. Вкусно! Повар в лазарете хороший. Солянка с ветчиной и копчеными ребрышками тает во рту. Не помню, когда ел такую. Для солянки главное – базовые продукты, их, видно, Карлович привез. Золотой человек!

С солянкой расправляюсь быстро.

– Добавки? – спрашивает Карлович.

– Не откажусь.

Съедаю вторую порцию. И зря. Санитары, ставшие официантами, приносят томленую телятину. Под нее наполняют бокалы. В этот раз тост за нового зауряд-врача. Встаю и вежливо кланяюсь. Мне кладут на тарелку телятину. Отрезаю кусочек ножом и кладу в рот. Сказка! А желудок полон – солянкой набил. Торопыга!

Веселье нарастает, тосты следуют один за другим. Пьем за победу российского оружия, храбрых офицеров и солдат, умелых врачей, старательных сестер… Застолье разрушается. Собрание разбивается на компашки, заводит разговоры. Мы не исключение.

– Надоели эти чиновные лбы! – жалуется Карлович. – Нужное не выпросить, порядка нет. Еще до войны медицинская общественность подавала государыне прошение. Просила передать санитарную службу в армии в руки врачей.

– А кто ей руководит? – удивляюсь я.

– Строевые офицеры! – машет рукой он. – Что они понимают в медицине? В академиях этому не учат. Для них главное – убрать раненых с передовой. А что с ними будет дальше, не интересует. Оттого везде нестроение и беспорядок. Медицинская помощь в руках разных ведомств. Военные лазареты, госпитали Красного Креста, земств, тыловых организаций. Координации между ними нет. Раненых везут куда бог на душу положит. Причем всех – легких и тяжелых. Первых мы могли бы лечить здесь, рядом с фронтом. Зачем тащить их в тыл? Вторым оказать первую помощь и распределить по госпиталям в соответствии с профилем. Нет, тащат валом. В результате пока тяжелых довезут – повязки в гное. Отсюда гангрена и ампутации. Это еще в лучшем случае. В худшем –

помощь опоздала.

М-да. А я удивлялся, почему в лазарете мало раненых.

– Не первый год бьемся в эту стену. Результата никакого, – Карлович замолкает, затем трясет головой. – Не будем о грустном. Лекадия, спойте!

Призыв подхватывают за столом:

– Леокадия Григорьевна, просим!

Хирургическая сестра некоторое время отнекивается, но по лицу видно, что просьба ей приятна. Озадаченный поручением санитар приносит гитару. На грифе – бант. Леокадия берет инструмент и подстраивает струны.

– Как грустно, туманно кругом,

Тосклив, безотраден мой путь,

А прошлое кажется сном,

Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей,

Мне некуда больше спешить,

Мне некого больше любить,

Ямщик, не гони лошадей…

Голос у Леокадии звучный, поет она замечательно. Понятно, почему просили. Это романс в этом мире есть, как и многое другое. Здесь были Пушкин и Лермонтов, Тургенев и Толстой. А вот Достоевского не случилось. Наверное, оттого, что не было дела петрашевцев. Их не судили, не приговорили к смерти и не инсценировали казнь. Молодой Достоевский не пережил потрясения и ожидания смерти, не отправился на каторгу. В результате Россия потеряла писателя. Возможно, к лучшему. Не люблю Достоевского – депрессивный он.

– Как жажду средь мрачных равнин

Измену забыть и любовь,

Но память – мой злой властелин —

Все будит минувшее вновь.

Все было лишь ложь и обман,

Прощай и мечты и покой,

А боль незакрывшихся ран

Останется вечно со мной… —

Леокадия умолкает. Все аплодируют, я – тоже.

– Еще! Еще!

Сестра не заставляет себя упрашивать и поет дальше. Смотрю на нее. Лицо раскраснелось, глаза закрыты. А она симпатичная. Не красавица, но приятная. Сколько ей лет? Тридцать точно, возможно, больше. Мужа нет – это я знаю. Таких замуж не берут – считают слишком эмансипированными. Женщин-врачей в России мало. Те, что есть, – акушерки. Леокадия выучилась на хирургическую сестру. Это редкость. Своего добилась, но заплатила одиночеством. А любви хочется, вон как поет! До печенок пробирает. Почему русский романс такой грустный? Отчего в нем столько тоски? Чувствую, что впадаю в меланхолию. Накатывают воспоминая. В эти дни я гнал их – потерянного не вернуть. Но теперь они пришли. Никогда мне не вернуться в свою уютную квартиру, старательно и с любовью обставленную. Не прийти в госпиталь к коллегам, не поболтать с ними о делах. Не зайти в современную операционную с медицинской техникой новейшего поколения. Жены у меня нет – развелись, но есть дочь Даша, студентка МГУ. Мы с ней были близки. Как она пережила мою смерть? Наверняка рыдала. Ничто ее не утешит. Ни компенсация от государства за отца, ни наследство. Завещание я составил в ее пользу. Квартира и деньги, что скопил, достанутся ей. Но это не заменит отца. А мне никто не заменит ее. Как же плохо! Мир расплывается…

Леокадия умолкает, в комнате воцаряется тишина. Поднимаю взор – все смотрят на меня. Почему? Ах да, я плакал. Совсем расклеился. Смахиваю слезы со щек.

– Извините, господа! Вспомнилось.

– Потеряли близкого человека?

Это Леокадия. Ей-то что?

– Родителей. Я их очень любил.

Это правда. Отец умер в 1999 году – сердце. Мать – десятью годами спустя. Рак. И я, врач, не смог им помочь… Но что до этого людям в чужом мне мире? Чувствую себя неловко. Не следовало пить.

– Хотите, я спою?

Оживились. Певец из меня никакой, но народ нужно отвлечь.

– Просим! – раздаются голоса.

– Гитару? – Леокадия протягивает инструмент.

– Не умею, – развожу руками. – Я – а капелла.

– Если смогу – подыграю, – говорит она. – Начинайте, Валериан Витольдович!

Как мне не нравится это имя! Но другого не предложили…

– Целую ночь соловей нам насвистывал,

Город молчал, молчали дома.

Белой акации грозди душистые

Ночь напролет нас сводили с ума…

Вступает гитара. Леокадия уловила мотив:

Сад весь умыт был весенними ливнями,

В темных оврагах стояла вода.

Боже, какими мы были наивными!

Как же мы молоды были тогда!

В час, когда ветер бушует неистово,

С новою силою чувствую я:

Белой акации гроздья душистые

Невозвратимы, как юность моя.

Умолкаю, следом стихает гитарный перебор. В комнате – тишина. Робкий хлопок, второй – и собрание вдруг взрывается аплодисментами.

– Браво! Браависсимо!

Особенно стараются сестрички. Странно. Неужели понравилось? В моем мире мне медведь на ухо наступил, а тут, значит, могу? Аплодисменты постепенно стихают.

– Замечательно! – говорит Карлович. – Не хуже Леокадии Григорьевны.

– Куда мне? – развожу руками. – Леокадия Григорьевна неповторима.

– Льстец! – грозит она пальцем, но выглядит довольной. Вот и хорошо. Здесь она, похоже, главная певица. Зачем мне враг?

– Душевная песня, – продолжает надворный советник, – но не вам петь про ушедшую юность. Правда, господа?

За столом смеются.

– Завидую я вам, Валериан Витольдович! Бог дал вам редкий талант. В такие лета и так оперировать! Вспоминаю себя после университета. Руки дрожали… Вот что, голубчик! Подсаживайтесь к Леокадии Григорьевне и порадуйте нас пением. У вас это хорошо получается, а вдвоем будет еще лучше. Я прав, господа?

В ответ звучат аплодисменты. Делать нечего, беру стул и перемещаюсь.

– Что будем петь? – спрашивает Леокадия.

– Гори, гори, моя звезда.

– Знаю! – кивает она и кладет пальцы на струны.

Вступаю первым:

– Гори, гори, моя звезда, Звезда любви, приветная!..

– Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда… – подхватывает Леокадия…

Банкет закончен, идем к флигелю – мы все в нем живем, только Карлович ночует в своем кабинете. Там у него мягкий диван. Леокадия опирается на мою руку, в другой – гитара. Во флигеле расходимся по комнатам, пожелав другу спокойной ночи. Иду к себе. Достаю из-под кровати медное ведро и приношу из колодца воды. Моюсь и чищу зубы, сливая воду в таз. Удобства никакие, но жаловаться грех. На передовой хуже, это я знаю из рассказов. Солдаты не моются неделями, в мундирах – вши. Периодически их отводят в тыл, где моют и прожаривают белье и верхнюю одежду. Но это в теплое время, зимой не получается. Удивительно, что сыпного тифа нет. В мое время он косил людей тысячами. Или это в Гражданскую? Будет ли она здесь? Не хотелось бы…

Снимаю мундир и складываю его на табурете. Успеваю полюбоваться на погоны. Они узкие, с желтой лычкой поперек. Здесь говорят не «лычка», а «муфточка», цвет не желтый, а «золотистого басона». На другом конце погона цифра 7. Это номер дивизии. На прежних было 26 – такой номер носит Могилевский полк. Он, к слову, дислоцировался в Воронеже, а не в Могилеве. Белорусов в него набирали уже здесь – потери были большими…

Гашу свет и забираюсь под одеяло. Спать… Не удается. Легко скрипит дверь, в комнату впархивает тень. У койки она сбрасывает халат и лезет мне под одеяло. Леокадия?

– Молчи! – шепчет она. – Ничего не говори!

Горячие губы затыкают мне рот. Обнимаю ее. Через ткань рубашки чувствую горячее тело. От ее волос пахнет духами.

– Люби меня! – шепчет она.

А куда деваться зауряд-врачу? Люблю…

3

Бум! Бум! Бум!..

Неподалеку будто сваи заколачивают. Открываю глаза. Я один – Леокадия ушла ночью. Что это было? Не хочу думать, разберемся позже. Прислушиваюсь. Сваи продолжают забивать. «Канонада! – приходит догадка. – Немцы начали наступление. Или это наши?» Подумав, отвергаю второе. Стреляют из тяжелых орудий, а их в русской армии мало. К тому же подготовку к наступлению не скрыть. Для этого перебрасывают войска, подтягивают артиллерию… Дорога к фронту идет мимо лазарета, мы бы увидели. Карлович ездил в штаб, но новостей о наступлении не привез. Медиков о нем предупреждают…

Вскакиваю и торопливо одеваюсь. В ведре еще осталась вода. Споласкиваю лицо и бегу в лазарет. В кабинет Карловича набивается персонал: врачи, фельдшеры, сестры милосердия. Громадой высится унтер Кутейников – старший над санитарами. Леокадия тоже здесь, но на меня не смотрит. Ну и ладно, не больно хотелось. На диване у Карловича неприбранная постель, сам выглядит встрепано.

– Телефонировали из штаба дивизии, – говорит он. – Германец начал наступление. Ожидается много раненых. Прошу всех приготовиться. Сортируем, моем, меняем повязки. В операционной понадобится второй стол – будем работать с Валерианом Витольдовичем. Леокадия Григорьевна, вы ассистируете ему, мне будут помогать Кузьма Акимович.

Фельдшер кивает, ему не привыкать.

– Вы все знаете, что делать. За работу, господа!

Разбегаемся. Помогаю санитарам установить в операционной второй стол. Размещаем его у окна. Электрическая лампа в комнате одна, на двоих не хватит. А сейчас лето, дни стоят длинные. Если что, керосиновой лампой подсветим, есть у нас такие – с отражателями. Леокадия помогает. Улучив момент, она говорит тихо:

– Валериан Витольдович, хочу вам сказать…

– Понял! – прерываю ее. – Ничего не было. Вы ко мне не приходили, я вас не видел.

Поджимает губы. Кажется, не угадал. Ну, и бог с этим! Сестры милосердия начинают мыть операционную, Леокадия остается присмотреть. Иду в столовую. Есть хочется! Надо набить желудок. По опыту знаю: пойдут раненые, будет не до еды.

Первых привозят скоро. Многие без сознания – растрясло на телегах. О медицинских повозках с мягкими рессорами начальство не позаботилось. Это я не о Карловиче. Он бы сделал, да кто ж ему даст? И почему в России перманентный бардак – даже здесь, в другом мире?

Сортируем раненых. Легкими займутся дантист и венеролог, опыт у них есть. Мы с Карловичем будем оперировать тяжелых. Он – конечности, я – раненных в грудь и живот. Так договорились. Не надо думать, что ему легче. Осколочные ранения конечностей приводят к летальному исходу ничуть не реже, если не чаще. Потом скажут: отчего раненый умер? Всего лишь ранение в ногу? Ага. На ногах вены и артерии, раненый может истечь кровью. Ее здесь не переливают – не научились. Группы крови известны, но это научные открытия, до практики не дошло. О резус-факторе не знают. Повреждения костей заживают плохо, могут привести к сепсису. Здесь это смертельный приговор. Про гангрену молчу – и так понятно.

Первыми пойдут раненные в живот. Здесь их не оперируют – не выживают, да и времени прошло много. Операции на кишечнике эффективны не позднее шести

часов после ранения. Позже развивается перитонит – смертельный приговор в этом мире. Но я буду попробовать спасти этих людей. Это русские солдаты, и они воюют за Родину. Пусть я из другого мира, но Россия у нас общая.

Повреждения тяжелые, осколочные. В ранах много грязи. Чищу, удаляю поврежденные кишки. Хорошо, что они большей частью пустые – солдаты не успели позавтракать. Перед тем как зашить рану, делаю легкий импульс свечением. Оно тянет силы, поэтому экономно. Главное, чтоб не умер сразу, добавлю потом.

Замечаю изумленный взгляд Леокадии – заметила. Трудно не усмотреть. Не важно, объясню потом.

Абдоминальные[16 - Абдоминальный – относящийся к животу. От латинского abdomen – живот.] кончились. Выхожу в предоперационную, ополаскиваю руки в тазу, вытираю полотенцем и сажусь на стул. Стягиваю маску на шею. Следом появляется Леокадия. Моет руки и смотрит на меня.

– Валериан Витольдович, хочу спросить. Я видела… У вас руки светились.

– Это у меня такой дар. Помогает заживлять раны.

– То-то смотрю, прооперированные вами поправляется на глазах, – оживляется она. – Слух ходил, что вы лечите руками, но я не верила. Теперь понятно. А как…

– Закурить есть? – перебиваю ее. Хватит объяснений. Сам толком не понимаю.

– Вы ж не курите? – удивляется она.

– После операции тянет.

– Сейчас!

Она лезет в шкаф и достает картонную коробку. На крышке надпись: «Дюшес». Леокадия извлекает папиросу и протягивает мне. Вторую берет себе. Не знал, что она курит, в этом времени среди женщин не принято. Хотя что взять от эмансипированной? Леокадия кладет папиросы на стол и достает спички.

Подносит огонек мне, затем закуривает сама. Некоторое время глотаем дым. Он ароматный и слегка сладкий.

– И мне тоже! – заявляет, входя в комнату, Карлович. Леокадия дает ему папиросу. Карлович берет ее окровавленными пальцами и сует мундштук в рот. Леокадия чикает спичкой. Карлович делает глубокую затяжку и выпускает клуб дыма.

– Почему вы оперируете абдоминальных? – укоризненно смотрит на меня. – Зря время тратите. Все равно умрут.

– Мои выживут! – говорю, упирая на «мои». – Увидите.

– Хм! – хмыкает он. – Если так уверены…

Заканчиваем перекур, моем руки и идем продолжать. Пошли торакальные[17 - Торакальный – относящий к грудной клетке.]. С ними легче. Ранения в грудь выглядят страшно, но заживают лучше. Главное усечь поврежденные ткани. Здоровые не пустят к себе микробы и, следовательно, затянутся. Режу, стягиваю, зашиваю. Замечаю, как на столе появляются зажженные лампы – их кто-то принес. Уже вечер?

– Валериан Витольдович, нужно сделать перерыв, – говорит Леокадия. – Мы все устали и не ели с утра. Раненые подождут, с тяжелыми мы закончили.

– Хорошо! – киваю. Она права.

Снимаем халаты, моем руки и идем в столовую. Санитар в белой куртке ставит на стол тарелки. Приносит графин с водкой и чарки. Наливаю себе и Леокадии. Она кивает в ответ на вопросительный взгляд. Эмансипе…

– И нам!

К нам подсаживаются Карлович с Акимовичем. Не заметил, как они появились. Санитар приносит тарелки и чарки. Наливаю в них водку. Выпиваем и набрасываемся на еду. Вкуса не чувствую, ем механически. Тарелки пустеют. Карлович лезет в карман мундира и достает серебряный портсигар. Угощает

всех папиросами. Курим.

– Шесть ампутаций провел! – говорит Карлович. – Еще семь ран обработал. Даст бог, сохраним людям конечности. Никогда столько много не оперировал. А мне пятьдесят! – поднимает палец. – Хорош старик, а!

Довольно смеется. Пятьдесят… Я в сорок пять поймал мину. Стариком себя не ощущал, собирался выйти на пенсию и работать в медицинском центре. Уже договориться успел… Здесь другие представления о возрасте.

– А у вас, Валериан Витольдович?

– Не считал.

– Я считала, – вмешивается Леокадия. – Пять абдоминальных операций и девять торакальных.

– Сколько?!.

– Валериан Витольдович работает очень быстро. Едва успеваю ассистировать.

– А как же наркоз? На него нужно время.

– Его делали в коридоре. Я попросила Михаила Александровича помочь. Он в этом понимает.

Так это Леокадия организовала? А я удивлялся, что раненые на стол поступают подготовленными. Умница!

Говорю это вслух. Леокадия краснеет.

– А вы как думали? – улыбается Карлович. – Думаете, легко зачислить женщину в лазарет? Сколько мне наговорили! Намекали: о любовнице хлопочу. Не смущайтесь, Леокадия Григорьевна, было. Но я настоял. И вот результат. Михаил Александрович тоже молодец. Надо привлекать его к операциям, он интересовался.

Михаил Александрович, в девичестве Мойша Исраэлевич, – мобилизованный дантист. Зауряд-врач. Молодой, чернявый, носатый еврей из выкрестов. Перешел в православие ради поступления в университет. Притворно, как я думаю. Для иудеев в университетах квоты, он нашел лазейку. Ушлый народ! Пусть. Анестезиолог из него хороший. Думаете, легко усыпить раненого эфиром? Он же в нервном напряжении. Не дай бог, очнется на операционном столе! Болевой шок в таком случае гарантирован. У нас не очнулись.

– Ну, что, коллеги? – говорит Карлович. – Потрудимся еще? Понимаю, что устали, но нужно.

Встаем. Карлович прав. Раненые в коридорах лежат…

* * *

Назавтра пришли повозки и забрали раненых. Неподалеку Молодечно, а там – железнодорожная станция. Раненых везут в Минск и Могилев, где развернуты госпитали. Возможно, дальше – Россия большая. Увезли тех, кого можно, тяжелые остались. «Мои» живы. Выглядят неплохо, все в сознании. Карлович удивлен, но виду не показывает. Я тоже молчу. Зачем пенять хорошему человеку? Такого начальника, как Карлович, поискать. К подчиненным относится уважительно, другой бы орал. Видели мы… Тайком от начальника «подпитываю» прооперированных излучением, причем всех – своих и его. Замечаю, что это дается легче, сил словно прибавилось. Это хорошо.

Работаем. Раненые продолжают прибывать. Часть приходит самостоятельно, некоторые – с оружием. Кульчицкий отбирает винтовки и гранаты.

– Нанесли бонб! – ругается в коридоре. – Еще лазарет подорвут!

Оружие он складывает в кладовой. Раненые подавлены. Говорят, что «герман жмет», и фронт может не устоять. Оперируем. Ранения большей частью от шрапнели, много слепых ран. Разрезаю, достаю пули и клочки материи, иссекаю поврежденные ткани, бинтую. Карлович занимается тем же. Едва убедил его не зашивать раны, наоборот, расширять для оттока гноя.

– Огнестрельное ранение стерильно! – убеждает он. – Если не слепое, конечно.

Заблуждение этого времени. И у нас было. Скольких жизней стоило!

– Пуля пробивает мундиры и заносит в рану грязь, – говорю ему. – А еще нитки и клочки одежды. Не все удается удалить. Нельзя шить! Надо оставить для дренажа.

Прислушался, заодно ускорили обработку. К полудню раненые кончились, новые перестали приходить. И канонада стихла.

– Не дай бог, немцы прорвались! – говорит Карлович, его это тревожит.

– Попадем в плен? – спрашиваю.

– Хуже! – морщится он. – Помните Новоселки?

Кручу головой.

– Ах да, память не восстановилась, – кивает он. – Хорошо, что университет не забыли. Эта история прогремела. В Новоселках стоял лазарет Красного Креста. Наступая, немцы его захватили. Раненых и персонал закололи штыками, сестер перед этим изнасиловали. Наши отбили Новоселки через несколько часов, поэтому и узнали.

Знакомый почерк. Не Гитлер создал в Германии нацизм, он имелся и до него. Лагеря смерти для русских военнопленных появились еще в Первую мировую. В Великую Отечественную пилоты люфтваффе рьяно бомбили санитарные поезда и машины, артиллерия стреляла по госпиталям. Медсанбаты, выбирая место расположения, первым делом думали о маскировке, потому что «просвещенные» европейцы убивали раненых и медицинский персонал с садистским восторгом. Через поколение их потомки будут учить нас гуманности…

– Кто бы мог подумать? – вздыхает надворный советник. – Культурная нация – Гейне, Вагнер… И такое зверство!

Знаем мы их «культуру»! Нахлебались.

– Даст бог, пронесет…

Не срослось. Во второй половине дня к лазарету прискакал солдат – на лошади без седла. Без фуражки, глаза безумные. Мы как раз с Карловичем были во дворе.

– Бегите! – закричал солдат. – Немцы идут!

– Где? Далеко? – попытался узнать я.

– Там! – указал он за спину и унесся.

Я глянул на Карловича. Лицо его посерело.

– Валериан Витольдович, уходите! – выдохнул он. – Берите персонал, ходячих больных и прячьтесь в лесу. Дай бог, удастся.

– А вы?

– Остаюсь с тяжелоранеными. Я врач.

– Я тоже.

– Зачем вам умирать? А я стар.

– Поздно, – сказал я, указывая рукой. Из леса на другой стороне луга выезжали всадники. Хорошо были видны серые мундиры. В русской армии они цветные или защитные.

– Пропали! – выдохнули за спиной.

Я обернулся – Кульчицкий. Лицо белое. Решение пришло мгновенно.

– Твои люди могут стрелять?

– Нет, ваше благородие! – замотал он головой. – Их этому не учили. Санитары.

– Слушай меня! Ворота запереть на замок! Подогнать к ним телеги без лошадей – вон несколько стоит. Все оружие, что принесли раненые, туда!

Смотрит на меня изумленно.

– Живо! Бегом марш!

Кульчицкий испарился.

– Валериан Витольдович! Что вы задумали? – забеспокоился надворный советник.

– Николай Карлович, идите в лазарет! Прикажите оттащить койки от окон. Раненые могут пострадать от осколков стекла. Все спрятаться за глухими стенами. И молиться.

Бегу в бывший бальный зал. Здесь уже суета – узнали.

– Слушай меня, братцы! – кричу с порога. – Сюда идут немцы. Всех раненых убьют – природа у них такая. Надо отбиться. Оружие есть. Ходячие раненые, которые могут стрелять, подходи ко мне!

Тишина, все молчат. Неужели не пойдут? С койки справа поднимается солдат с перевязанной головой. Одного глаза не видно. Походит ко мне.

– Стрелять сможешь?

– Да, ваше благородие. Глаз выбило, но другим вижу. И жмуриться не надо, – он ощеривается.

– Как зовут?

– Иван. Трофимовы мы.

– А по отчеству?

– Степаном отца звали.

– Спасибо, Иван Степанович! Кто еще?

Ко мне, ковыляя, подходят еще четверо. Немного. Но хоть столько.

– Идем, братцы!

Кульчицкий не подвел. Кованые ворота заперты, перед ними телеги. В них навалены винтовки и ремни с подсумками. Лежат какие-то сумки. Открываю одну. Внутри – ребристые яйцевидные гранаты, похожие на Ф-1, только колпачок латунный.

– Хранцузские бомбы, – говорит Иван и берет одну. – Это надо прижать, кольцо выдернуть, а потом бросать. Лучше – подальше. Близко нельзя – осколками посечет.

– Кто еще бросал бомбы?

В ответ – молчание.

– Их недавно привезли, – говорит Иван. – Нам ахвицер показывал. Я кидал, другие побоялись.

Вручаю ему сумку с гранатами, другую беру себе.

– Приготовились!

Солдаты берут винтовки и начинают их заряжать. Патроны в пачках. Оттянул затвор, сунул пачку в магазин, затвор вперед – и стреляй. Поворачивать, как в трехлинейке, не надо. Из-за этого винтовка остается на линии огня, что облегчает прицеливание. Патроны кончатся – пачка выпадет вниз. В той жизни у меня был друг Жора – большой любитель пострелять. Приглашал меня. Оружия у него было – как у Сороса денег. Манлихер тоже имелся, и я из него стрелял. Хорошая винтовка, бьет точно…

План мой прост. Поместье окружает кирпичная ограда. Она высокая, с ходу не перескочить. Ворота из кованых прутьев с остриями – перелезть сложно. Солдаты зарядили винтовки и примкнули штыки. На мой взгляд – зря, но им виднее. Смотрю на луг. Немцы уже близко, рысят по дороге. Прикидываю число – с полсотни. Хреново. Моя инвалидная команда им на один зубок. Может, проедут? Дорога идет мимо имения, дальше – село. А там «яйко, млеко»…

– Не стрелять!

Не повезло. Рысивший впереди немец указывает на имение. По его команде отряд сворачивает и выстраивается фронтом к лазарету. Снимают винтовки… Заметили? Невольно приседаю. Над лугом будто ткань разорвали. Звенят, осыпаясь вниз, стекла. Оборачиваюсь. Стены поместья в щербинах от пуль. Легли высоко, и большая часть – в красный крест. Он большой и виден издалека. Сволочи! Стреляли, чтоб запугать.

– Приготовиться!

Приникаю к прицелу. Хорошо видны плечи и головы немцев. До них метров двести. На таком расстоянии я всегда попадал, правда, было это давно. Выравниваю мушку с краями прорези целика и навожу ее на грудь ближнего всадника.

– Пли!

Залп. А неплохо так! Троих с седел снесло. Затвор на себя и вперед.

– Огонь!

По сторонам трещат выстрелы. Всадники закрутились на лугу. Не нравится? Это вам не по лазарету стрелять! Затвор, вперед, приложиться – выстрел! Еще и еще… Пустая пачка падает в телегу. Хватаю снаряженную и сую в магазин. Затвор – вперед…

Командир немцев что-то кричит. Всадники разбираются в цепь и поднимают винтовки. Залп. Рядом охает и сползает на землю солдат. Быстрый взгляд. Пуля угодила в переносицу. Сволочи! Приникаю к прицелу и пытаюсь выловить

командира. Тот не стоит на месте. Выстрел – мимо! Еще один – и второй промах.

Над головой свистят пули, я не обращаю внимания. Свою не услышишь. Второй раненый повалился на землю, следом третий. С седла попасть трудно, но если стрелков много… Да нас просто перебьют!

– Иван! – кричу Трофимову. – Бери гранаты – и под забор. Остальным лечь на землю!

Последний из раненых заползает под телегу. Винтовку тащит с собой – молодец. Хватаю сумку с гранатами и бегу к забору. Иван – к другой стороне ворот. Сообразил, по всему видно – воевал. Смотрит на меня. Прикладываю палец к губам. Кивает – понял.

Немцы перестают стрелять. Слышна отрывистая команда, за ней – топот. Достаю из сумки гранату, зажимаю рычаг и вырываю кольцо. Иван повторяет. Ждем. Топот приблизился и затих. Слышны злые голоса. Кентавры кайзера недовольны – во двор не войти. С моего места виден край пространства перед воротами. Немцы спешились и сгрудились. Лошадей отвели. Пора! Швыряю гранату через забор, следом – другую. Взрывы, крики, ржание лошадей… Вот вам еще! И эту! Взрывы гремят один за другим. Гранаты кончились. Бегу к телегам и хватаю винтовку. Затвор на себя – нет патронов. Бросаю и беру винтовку убитого солдата. Она с пристегнутым штыком. Отвожу затвор – есть патрон. Перед воротами – мельтешение людей. Стреляю в эту суету. Целиться некогда. Подбежавший Иван поддерживает. Пространство за воротами очищается. Через прутья видны трупы людей. Живых не видно. Отбились?

На лугу слышно «Р-ра!». Что это? Немцы так не кричат.

– Ваше благородие?

Оборачиваюсь – Кульчицкий. Раскрасневшееся лицо сияет.

– Казаки подошли, ваше благородие! Гонят немца.

С плеч будто мешок свалился. Оглядываю поле сражения. На мощеном дворе лежат трое солдат. По позам видно, что трупы. Из-под телеги вылезает живой.

Иван помогает ему встать.

– Благодарю за службу, братцы! – говорю хрипло. – Кульчицкий – по чарке им. Накормить от пуза!

– Рады стараться, ваше благородие! – вытягиваются солдаты.

– Тела убрать, телеги растащить, ворота открыть!

Кульчицкий уводит солдат в лазарет. Отхожу в сторону и лезу в карман. Карлович презентовал мне коробку папирос. Ломая спички, закуриваю. Смотрю, как подбежавшие санитары уносят тела. Другие откатывают телеги и отрывают ворота. Бросаю папиросу и заряжаю винтовку. За забором кричит раненая лошадь. Этот крик колет сердце.

Выхожу на луг. Лошадь лежит за забором. Осколок гранаты перебил ей ногу. Она пытается встать и кричит. Прицеливаюсь. Черный глаз смотрит на меня с ужасом. Выстрел! Голова лошади падает на землю. Смотрю вперед. Казаки с пиками наперевес гонят уцелевших немцев. Одного настигли и тычут пикой в спину. Немец взмахивает руками и сползает с седла. Там разберутся без меня. Иду вдоль забора с винтовкой наизготовку – могли остаться живые. Одного нахожу. Ганс с окровавленной ногой лежит у забора. Стонет. Подхожу ближе. Он поднимает голову.

– Камрад… Хильфе[18 - Помощь (нем.).]!

Кайзер тебе камрад! Высокий забор закрывает меня от взглядов со двора. Казакам не до меня. Винтовка у меня с пристегнутым штыком.

– Найн!..

Штык легко входит в тело. Я врач, и знаю, где у человека сердце. Немец дергается и замирает. Вытаскиваю штык и иду дальше. Других раненых нет – одни трупы. Среди них нахожу офицера. Лежит рядом с выроненным палашом. Мне этот ножик без интереса. Замечаю на поясе кобуру, наклоняюсь и отстегиваю клапан. Ого! Это я удачно подошел. Люгер, он же парабеллум. Расстегиваю пряжку и вытягиваю ремень. Снимаю кобуру и вешаю себе на пояс.

Оглядываю луг. Казаков и немцев не видно. Кони, потерявшие всадников, бродят по лугу. Надеюсь, это немецкие. Смотрю на дорогу. По ней колонной идут наши войска. Конные упряжки тащат пушки. Замечаю автомобиль – здесь они редкость. Раскачиваясь на ямах, он обгоняет колонну. За ним рысят всадники – конвой. Начальство пожаловало? Пусть едет мимо!

Не свезло. Автомобиль сворачивает к имению, подъезжает ближе и останавливается. Кожаный верх сдвинут к багажнику, на заднем сиденье – офицер с длинными, «буденновскими» усами. Лицо худое и загорелое. На голове – фуражка, на плечах – погоны без просветов с заметным зигзагом. Генерал?

Выскочивший адъютант распахивает перед генералом дверь. Тот легко соскакивает на траву. На правом боку шашка. Кавалерист? Генерал смотрит на меня. Невольно вытягиваюсь.

– Что тут произошло?

– Немцы напали на лазарет. Я с ранеными организовал оборону. Стреляли, бросали бомбы. Потом казаки подоспели.

– Неплохо бросали! – Генерал смотрит на трупы немцев. – С десяток положили.

– Еще там с пяток, – указываю на луг. – Тех подстрелили.

– Сколько вас было?

– Пятеро раненых и я. Трое погибли.

– Потери один к пяти. Лучше, чем на фронте. До штыковой дошло? – Он смотрит поверх моей головы. Ах, штык у меня в крови.

– Пырнул недобитого немца. Пытался стрелять.

– Орел! Имя?

– Зауряд-врач Довнар-Подляский.

– Врач?!

– Перед тем как меня перевели в лазарет, служил вольноопределяющимся в Могилевском полку.

– Понятно, – кивает генерал и смотрит на адъютанта. – Вот что, Тимочкин. Остаешься здесь, перепиши имена отличившихся. Героев нужно наградить. Потом догонишь. Возьмешь коня – вон их сколько! – Он указывает на луг. – А я поеду.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

– Вернутся казаки, оставь здесь охранение. Вдруг немцы прорвутся!

Автомобиль уезжает, за ним устремляется конвой. Вместе с Тимочкиным идем к лазарету. Из ворот выбегает Леокадия.

– Валериан Витольдович! Николай Карлович ранен!

Сую винтовку ошарашенному адъютанту и бегу в лазарет. Нахожу Карловича в операционной. Сидит на табурете, лицо бледное. Мундир снят, рядом суетится дантист. Сквозь марлю повязки видна кровь.

– Халат и руки помыть!

Быстро облачаюсь и мою руки. Отодвигаю дантиста в сторону и разматываю бинт. Что имеем? Огнестрельное ранение плеча. Кровь выплывает из раны толчками. Не брызжет и цвет темный. Артерия не задета. А кость?

– Пошевелите пальцами!

Карлович подчиняется. Нормально. И по проекции раны заметно, что кость не пострадала.

Леокадия подает мне баночку с йодом. Мажу вокруг раны. Прикладываю марлевые салфетки и бинтую. Заправляю кончик под повязку и прикладываю к ней ладонь. Короткая вспышка. Карлович заметил и вопросительно смотрит на

меня. Надо отвлечь.

– Как вас угораздило?

– К окну подошел, – морщится он. – Хотел посмотреть, что происходит. Вот и поймал пулю, старый дурак!

– Вы не старый и совсем не дурак! Вон сколько раненых спасли!

Улыбается бледными губами. Доброе слово и раненому приятно.

– Теперь вы главный хирург, – говорит тихо.

Осторожно поднимаю его с табурета. Леокадия подскакивает, кладет здоровую руку раненого себе на плечо. Вдвоем отводим Карловича в кабинет. Сестры застилают диван, взбивают подушку. Освобождаем доктора от одежды, кладем и укрываем одеялом.

– Идите! – говорит он. – Один полежу. Нечего тут сидеть – рана легкая.

Выходим.

– Принесите ему чаю! – говорю сестра. – Сахара побольше. Ему надо кровь восстановить.

Кивает и убегает. Идем коридором. Навстречу несется казак в плоской фуражке. Замечает нас и подскакивает.

– Ваше благородие! Тимку ранили, кровью истекает. Спасите, век буду Бога молить!

Замечаю в коридоре санитаров с носилками. Подбегаю к ним. На носилках – казак без сознания. Лицо бледное, глаза закрыты. Щупаю пульс – частый, но с хорошим наполнением. Левый бок в крови. Поднимаю мундир – повязка пропитана кровью. На нее пошло нижнее белье. Индивидуальные перевязочные пакеты здесь есть, но пока не распространены.

– Раненого – в операционную!..

Спустя час выхожу в коридор. Навстречу бросается тот же казак. Глаза шальные.

– Будет жить! – киваю. – Я ему селезенку удалил.

– А як жа?..

– Без селезенки люди живут. Не волнуйся, казак! Сядет в седло Тимка, причем скоро. Не удалить не мог – селезенку пополам развалило. Как это произошло?

– Герман палашом ткнул. Я его срубил, а потом гляжу – Тимка за бок держится и с седла ползет. Успел подхватить… Перевязали как могли – скорее сюда. Думал, не довезем. Брательник он мне. Так жить будет?

– Гарантирую. У меня еще никто не умирал.

– Благодарствую, ваше благородие! Примите, не побрезгуйте!

Сует мне что-то в руку. Часы, наручные. Большой, серебряный корпус, красивый кожаный ремешок. На циферблате надпись – «Longines». Швейцарские. Ремешок затерт – носили. Наверняка трофей. Придираться не будем. Часов у меня нет – почему-то не оказалось в вещах Довнар-Подляского, которые привезли из роты. Возможно, не было, а может, и приватизировали. Застегиваю ремешок на запястье. Вот и взятки брать стал.

– Спасибо, братец! Как зовут?

– Урядник Болдырев!

– Не беспокойся, Болдырев! Присмотрим за брательником.

– Мы тута на лугу встали, – говорит он. – Велели побыть у лазарета. Вдруг герман наскочит? Зовите, коли что.

Киваю. Болдырев уходит. Слова его напомнили об адъютанте. Иду искать. Нигде нет. Встречаю Кульчицкого.

– Штабс-капитана не видал? Того, что со мной пришел?

– Как же! – кивает он. – С вами хотел говорить, но вы были на операции. Так он меня расспросил. Я все обсказал.

– Что?

– Как бились геройски. Я из окна видел. Он имена в книжечку записал, взял коня и уехал.

Представляю, что Кульчицкий ему наговорил! Ладно. Иду в бальный зал и обхожу раненых. Все живы. Некоторых «подпитываю». Прооперированный казак спит, воевавшие со мной герои – тоже. Склоняюсь над Трофимовым. Духман, ядреный… Думаю, чаркой не обошлось. Кульчицкий жаден, но тут водки не пожалел. Правильно.

В коридоре меня перехватывает Леокадия.

– Валериан Витольдович, нужно поговорить!

И вот что ей? Нашла время для выяснения отношений! Лицо у Леокадии решительное, не отвертеться. Отходим в сторону.

– Я видела, как вы закололи раненого. Стояла у окна на втором этаже.

И эта – тоже. Делать им, что ли, нечего?

– Это был враг.

– Раненый. У него, возможно, были родители. Он не виноват, что его послали воевать!

И убивать раненых. В лазарет рвался не цветы нюхать. Плевать мне на его родителей и на всю родню скопом! Что ищите, то и обрящете.

– Мы не палачи!

А я, значит, палач. Говорили мне такое – в другом мире. Правозащитница нашлась! Откуда лезет это дерьмо? Права убийц их волнуют, а вот страдания жертв – нет. Нацист Брейвик, убивший 77 человек, большинство из которых дети, и осужденный на 23 года тюрьмы, борется за свои права. Его не устраивает одиночная камера из трех комнат – спальни, кабинета и спортзала. Кофе ему подают холодным, а еду разогревают в микроволновке. Нет, чтоб прямо с кухни. Условия «бесчеловечные». Каково об этом читать родителям убитых детей? Но правозащитникам это не интересно.

Вдыхаю и выдыхаю воздух. Ругаться нельзя.

– Вам приходилось видеть бешеных собак?

– Нет, – удивляется Леокадия.

– А мне пришлось. Милый песик, любимец семьи. Но его укусила бешеная лиса, прибежавшая из леса, и песик заболел. Он был не виноват, но я его застрелил. Жизнь людей дороже.

Поворачиваюсь и ухожу. Нужно найти Кульчицкого. Водка у него…

4

Голова побаливает, во рту будто сотня казаков переночевала. Казаки… Я вчера, кажется, куролесил. Вспоминаем…

Взяв у Кульчицкого штоф[19 - Бутылка и мера объема. 1,23 литра.] водки, я отправился к казакам. Своих видеть не хотелось, а пить одному не комильфо. Казаки варили кашу. В лазарете еды не попросили, как узнал позже, чтобы не объедать раненых. Хорошие тут люди! Моему появлению казаки удивились, а

Болдырев даже смутился, когда предложил выпить. Офицер с нижним чином? Здесь так не принято. Пришлось объяснить, что я зауряд-врач, а никакой там офицер. И вообще меня звать Валериан. Объяснение приняли благосклонно, чему в немалой степени способствовал штоф, на который казаки смотрели с интересом. Водку разлили по кружкам и употребили, затем поели каши из котелка. Для меня нашли ложку, с собой захватить я не догадался. Поев, казаки запели – что-то заунывное про Дон-батюшку. Мне песня не понравилась, и я предложил сменить репертуар. Казаки попросили показать, ну и получили:

– Под зарю вечернюю солнце к речке клонит,

Все, что было, не было, знали наперед.

Только пуля казака во степи догонит,

Только пуля казака с коня собьет…

– Любо! – закричали казаки, когда я смолк. – Еще знаешь?

Мне было не жалко, и я выдал еще песню от главного казака России по фамилии Розенбаум:

– Под ольхой задремал

Есаул молоденький,

Приклонил голову

К доброму седлу.

Не буди казака,

Ваше благородие.

Он во сне видит дом,

Мамку да ветлу…

Песня так понравилась, что казаки начали хлопать, а потом и вовсе пустились в пляс. А я наяривал:

– А на окне наличники,

Гуляй да пой станичники.

Черны глаза в окошке том.

Гуляй да пой, Казачий Дон[20 - Слова Александра Розенбаума.].

– Здоров ты горло драть, Валериан! – сказал Болдырев, когда я смолк. – И воюешь хорошо. Вон сколько немцев покрошили. Мне ваш унтер баял.

Этот может. Баять.

– Не ждал от дохтура.

– Так я в окопах сидел! – объяснил ему. – До лазарета в вольноопределяющихся ходил.

– Фронтовик, значит, – заценил Болдырев. – За это стоит выпить. Жаль, водка кончилась.

– Не вопрос! – сказал я и сбегал за добавкой. Кульчицкий удивился, но штоф выдал. В нем оказался спирт – унтер перепутал емкости. Казаков это не смутило, даже как бы обрадовало. Веселье продолжилось, и я принял в нем деятельное участие. Мы разучили слова новых песен, потом вместе пели и плясали. Появилась фляжка с трофейным шнапсом, после спирта он пошел на ура. Под конец я стал объяснять Болдыреву, что меня здесь не уважают. Раненых от немцев спасал, а меня обозвали палачом. И за что? Подумаешь, заколол фашиста! Так он раненых шел убивать. Правозащитники хреновы! Либерасты поганые!

Кто такие либерасты, а также фашисты с правозащитниками Болдырев не знал, но мое негодование разделил.

– Не стоило, Валериан, руки марать, – сказал горячо. – Ты же дохтур. Сказал бы нам, а мы бы спроворили. Прирезали по-тихому. Мы немцев в плен не берем, как и они нас…

Дальнейшее помнилось смутно. Вот меня аккуратно ведут, при этом Болдырев объясняет:

– Ты, Валериан, не сумлевайся. Мы службу справно несем. Не все хлопцы пили. Часовые на постах, герман не подберется. За лазарет не бойся…

Судя по тишине, герман пока не подобрался. Вздохнув, я встал и быстро оделся. Взяв зеркало со стола (Кульчицкий расстарался) и глянул в мутное стекло. Ну и рожа у тебя, Шарапов[21 - Цитата из фильма «Место встречи изменить нельзя».]! Удружил Господь! Или, может, Аллах? Худое, вытянутое лицо с хрящеватым носом. Тяжелый, вытянутый подбородок, глубоко посаженные, зеленые глаза под рыжими бровями. Рыжими, Карл! Такого же цвета волосы, да еще кудрявые. Леокадия ночью шептала, что у меня породистое лицо. Вот только породу не назвала. Донская лошадь или орловский рысак? Может, ирландский терьер? Ладно. Глаза видят, руки подчиняются – чего больше желать?

Достав безопасный «жилет» (здесь он есть), я поскреб подбородок. Обошелся без мыла – растительность на лице жидкая. Пацан. Сбегал к дощатому сооружению во дворе, умылся. Идти в народ после вчерашнего не хотелось, но пришлось. Я побрел. Встречные сестрички и санитары вежливо здоровались, но при этом смотрели с любопытством. Надеюсь, в лазарете я ничего не развалил.

Проходя мимо открытых ворот, я глянул на луг. На нем было пустынно. А где казаки?

– На рассвете ускакали, – пояснил отловленный санитар. – Им приказ вышел.

На рассвете? Я глянул на подаренные часы. Одиннадцатый час. Ничего себе поспал! Почему никто не разбудил? А кто раненых оперировал? Оказалось: никто. Их сегодня не привозили.

Кстати, раненые… Я направился в бальный зал. Проблем там не оказалось, но я на всякий случай раненых подпитал. В ответ слышал: «Спаси Бог!» Знают о моем даре, такое не укроешь. Последним подошел к раненому казаку.

– Как дела, Тимофей? Рана болит?

– Ноет трохи, – сказал он. – Благодарствуйте, дохтор! Жизню спасли.

– Работа у нас такая, – сказал я и положил руку на повязку. Короткое свечение.

– Брательник ко мне заходил, – сообщил Тимка. – Подарок тебе передал.

Еще один? Странно. Тимка оглянулся по сторонам и сунул руку под подушку. Достал что-то в тряпице и протянул мне. Я развернул. Пистолет! Небольшой, на затворной раме длинная надпись по-английски. Я различил: «Герсталь, Бельгия…» Браунинг?

– Ты ему вчера свою пистолю отдал, вот брательник и говорит: «Нельзя дохтуру без оружия. Вдруг герман наскочит?»

Отдал? Не припомню. К казакам я прибыл с кобурой на ремне, урядник заинтересовался. Я достал люгер и рассказал, какой это замечательный пистолет. Он все языком цокал. Но чтоб отдать… Сам забрал у пьяного. А чтоб доктор шуму не поднимал, браунингом отдарился. Ну, казак, ну, жучила! Но, с другой стороны, прав. Ему люгер нужнее – в бою может жизнь спасти. А я врач. Зачем мне здоровенная «пушка»?

Я сдвинул защелку и вытащил магазин. Пустой.

– Вот! – Тимка протянул тяжелый кисет.

Развязав стягивавший горловину шнурок, я обнаружил внутри извалянные в махорке патроны. Взял один. Калибр 7,62[22 - На самом деле – 7,65.], карманный вариант.

– Благодарю, братец!

Рассовываю подарки по карманам и ухожу. Теперь можно и позавтракать. Завтрак здесь – это наш обед. С утра подают чай с выпечкой, к слову, вкусной. Завтрак в полдень. Раненых кормят хорошо, врачам тоже перепадает. На фронте с едой хуже.

Поел. Водки мне не предложили, сам просить я не стал. Не опохмеляюсь. После завтрака пошел навестить Карловича. Следовало сразу, но я оттягивал – не хотел нарываться на выговор. Все равно пришлось.

Доктор выглядел молодцом.

– Добрый день, Валериан Витольдович! – сказал мне, улыбнувшись. – Проведать зашли?

– Рану надо посмотреть, – буркнул я.

– Смотрите! – разрешил он.

Я размотал бинт. Отдирать не стал – зачем человека мучить, только приподнял край и исследовал кожу вокруг раны. Покраснения нет, припухлости тоже. Замечательно.

– Воспаления не чувствую, – согласился Карлович. – Температуры нет. Помогло ваше свечение. Как вы это делаете?

– Самому бы знать. Прикасаюсь и чувствую, как исходит тепло.

– Давно это у вас?

– После операции. Я тогда свою рану лечил. Догадался и стал к другим применять.

– Неисповедимы пути Господни! – перекрестился Карлович. – Правильно поступаете. Раз есть дар, грех не использовать.

Он замолчал, разглядывая меня. Я сжался, ожидая разноса, и тот последовал.

– Вы способный хирург, Валериан Витольдович. Раненых любите, что для врача необходимо. Храбры – лазарет отстояли. За это вам люди благодарны. Но я все равно сделаю вам внушение.

За немца или вчерашний загул?

– Вы ходили по лазарету с пистолетом. Зачем вам оружие? Мы врачи, а не строевые офицеры. Сестры пугаются. Оставьте эти окопные привычки!

Всего-то? А я-то ждал! Хорошо, что браунинг в кармане.

– Нет у меня этого пистолета. Уряднику подарил.

– Правильно поступили! – обрадовался он. – Пусть казак воюет. Кстати, – в глазах его появилось смешинки. – Вы хорошо пели вчера. Даже я заслушался.

М-да. Чувствую, что краснею.

– Песни незнакомые. Нам вы таких не исполняли. Про казаков явно поэт сочинял. Не вы часом?

– Не я. Александр Розенбаум. Кстати, врач.

– Не слыхал. Немец?

– Еврей.

Карлович морщится. Сам он немец, фамилия у него Рихтер. Немцев в России хватает, жили на отжатых территориях. Офицеры и врачи, чиновники и торговцы… С началом войны отношение к ним изменилось – с другой стороны фронта тоже немцы. В моем мире это кончилось погромами и ненавистью к императрице – немке по происхождению. Здесь этого пока нет, но Карлович тревожится. Потому немец, сочинивший песни про казаков, был бы к месту. А тут еврей влез…

– Способный народ евреи, нос по ветру держат, – замечает доктор. – Казаки сейчас в моде – хорошо показали себя на фронтах. Нам споете?

– При удобном случае.

– Вам его предоставят. Из штаба дивизии телефонировали. Немцев отбили, на фронте тихо. Раненых не ожидается.

Он встал и подошел к открытому окну. Я присоединился. Некоторое время мы смотрели на пустой луг. Тот выглядел мирно. Трупы убрали вчера, оружие унесли. Только пятна от кострищ напоминали о ночевке казаков.

– Хорошо, когда так тихо! – сказал Карлович. – Не люблю войну.

Я – тоже. Но войне плевать на нашу нелюбовь…

На дороге со стороны линии фронта, показался автомобиль. Он мчал на большой скорости. Это с чего так гонят? И главное – куда? От немцев удирают? Не угадал. Автомобиль свернул к лазарету и въехал во двор. Из него выскочил незнакомый генерал с профессорской бородкой и брюшком.

– Санитары, сюда!

– Идем! – сказал Карлович. – Похоже, раненого привезли…

* * *

Раненым оказался знакомый мне генерал – тот, что обозвал меня орлом. Нечто подобное я предполагал – простого солдата в машине не повезут. Выглядел генерал скверно. Без сознания. Посеревшее лицо, хриплое дыхание, розовая пена в уголках губ. Повязка на груди вся в крови. Цвет – алый. Легкое пробито, это к гадалке не ходи, да еще артерия задета.

– Как это случилось? – спросил Карлович, когда мы закончили осмотр.

– Шрапнель, – буркнул генерал с брюшком и зло ударил себя кулаком по ладони. – Вышли на позиции посмотреть, а немцы углядели. Дали залп. Главное, никого более не задело, а вот Алексей Алексеевичу досталось. Спасете его, доктор?

– Сделаем все возможное, – сказал Карлович, и по его тону я понял, что доктор не надеется на благополучный исход. – Раненого – в операционную! Приготовьте все! Дать ему наркоз!

Санитары подхватили носилки и утащили раненого.

– Будете оперировать? – Генерал уставился на надворного советника.

– Не я, а он! – Карлович указал на меня. – У меня рука пулей пробита.

– Этот юнец? – Генерал уставился на меня. – Лучшего нет?

– Этот юнец и есть лучший! – рассердился Карлович. – Сложнейшие операции делает. И никто из пациентов не умер.

– Может, в Молодечно отвезти? – не успокоился генерал.

– Не довезете! – буркнул Карлович. – Извольте, ваше превосходительство, не мешать! Вы свое дело сделали.

По его тону можно было понять, что именно генерал с профессорской бородкой виновен в ранении. Тот это уловил и сдавленно выругался. Мы пошли надевать халаты и мыть руки.

– Я буду присутствовать, – объявил Карлович. – Может, буду полезен. Так нужно. Если генерал умрет, а это с большой долей вероятности случится, у вас будут неприятности. А мне терять нечего, я свое отслужил.

Золото у меня, а не начальник! В том мире меня не стали бы так прикрывать. Есть русская интеллигенция, есть! Она лечит и образовывает, пишет книги и совершает научные открытия. А вот те, кто мотается по площадям и кричит о нарушенных правах, к интеллигенции отношения не имеют. Они – пена из выгребных ям.

– Кто этот раненый? – не удержался я.

– Не узнали? Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов, командующий Белорусским фронтом. Генерал, который его привез, Антон Иванович Деникин, командующий армией.

Да, уж свезло… Эта мысль мелькнула и исчезла. Мы перешли в операционную. У стола стояли Леокадия и дантист.

– Спит! – доложил последний.

– Останьтесь, Михаил Александрович! – попросил я. – Возможно, понадобитесь.

Дантист с удовольствием кивнул. Ему в радость. Мы с ним говорили, и Михаил сказал, что мечтал стать хирургом. Но отец заявил: «У человека одно тело и 32 зуба. Нет, Мойша! Только в дантисты!»

Леокадия срезала бинт. Из открывшейся раны брызнула кровь. Артерия повреждена. Я сунул палец в рану и пережал ее.

– Николай Карлович, смените меня!

Он кивнул и подошел ближе. Мы поменялись местами. Теперь он зажимал поврежденную артерию. Я взял скальпель. Разрез… Леокадия и поспешивший на помощь дантист пережимали сосуды и растягивали рану крючками. Ребра… Вот она, голубушка!

– Здесь! – указал я Леокадии. Она ловко щелкнула зажимом. – Николай Карлович, отпускайте!

Он убрал палец и сделал шаг в сторону. Я осушил рану тампоном и склонился. Что у нас? Пуля задела артерию, но не разорвала. Уже легче. Перебитую я бы не заштопал – нужен стент. Здесь о них не знают.

– Перевяжете ее? – спросил Карлович.

– Нет, – покачал я головой. – Слишком крупная. Нарушится кровоток в легком. Зашью.

Карлович осуждающе покачал головой, но от слов удержался. Вот и славно – не нужно мешать. Работа знакома, шовный материал имеется. Хороший, кстати, французский – привезли вместе с инструментами.

Медленно, миллиметр за миллиметром, пришиваю надорванный край артерии к прежнему месту – аккуратно и частыми стежками. Спешить здесь нельзя. Последний узелок…

– Леокадия Григорьевна, отпускайте!

Артерия наполнилась кровью, из проколов брызнули тонкие струйки.

– Не получилось! – выдохнул Карлович.

– Сейчас прекратится, – успокоил я.

Струйки опали. Я осушил рану тампоном, зашил легкое и рану. Теперь дренаж для стока попавшей в плевру крови. Троакар у нас есть… Приложить руку к ране – все равно знают. Свечение и забинтовать. Готово!

Мы вышли в предоперационную и закурили. Дантист остался у раненого. Он не курит.

– Блестяще! – сказал Карлович, выпустив клуб дыма. – Никогда подобного не видел. Сосуды мы обычно перевязываем. Где научились шить?

– В Германии.

– Вам доверяли такие операции?!

– На трупах тренировался.

Не говорить же им про кавказские войны? Как в госпиталь привозили захлебывающихся кровью солдат? И мы оперировали их, забывая о сне и еде?

– Пойдем! – Карлович бросил окурок в пепельницу.

Мы вернулись в операционную.

– Пульс слабый, но ровный, – доложил дантист. – Наполнение слабое. Дыхание частое.

Молодец, Миша! Будет из него хирург! Я вгляделся в лицо раненого. Кожа бледная, но не серая. Розовых пузырей в уголках рта нет. Похоже, получилось. Веки генерала затрепетали, и он открыл глаза.

– Где я? – спросил чуть слышно.

– В лазарете, – поспешил Карлович. – Вам сделали операцию. Прошла успешно.

– Спасибо, доктор.

– Благодарить нужно его! – Карлович указал на меня. – Он оперировал.

Уголки губ генерала тронула улыбка. Узнал.

– Зауряд-врач… – лицо его построжело. – Деникин здесь?

– Да, ваше превосходительство.

– Позовите.

– Вам нельзя… – начал Карлович, но генерал повысил голос: – Зовите!

Дантист сбегал за Деникиным. Тот вошел в операционную и склонился над раненым.

– Принимай фронт, Антон Иванович, – прошептал раненый. – Я надолго…

Он закрыл глаза и умолк.

– Камфору! – закричал Карлович. – Морфий!..

* * *

Алексеев вошел в кабинет и поклонился.

– Здравия желаю, ваше императорское величество!

– Здравствуйте, Михаил Васильевич! – кивнула Мария. – Присаживайтесь! – Она указала на кресло. – Давайте без чинов – мы одни.

– Слушаюсь, государыня! – сказал Алексеев и прошел к креслу. Подождал, пока сядет императрица, и устроился напротив. Раскрыл принесенную с собой папку.

– Наступление немцев отбито. Ожесточенная бомбардировка наших позиций, предпринятая противником, и последующие атаки не принесли ему успеха. Фронт устоял. Правда, под Молодечно на ограниченном участке передовым частям противника удалось захватить наши траншеи и ввести в прорыв кавалерию. Командующий фронтом, генерал Брусилов, среагировал оперативно и ввел в бой резервы. Стремительным ударом они опрокинули прорвавшего врага и заставили его отступить. Положение восстановлено.

– Наши потери?

– До двадцати тысяч ранеными и убитыми.

Мария сморщилась.

– Противник потерял втрое больше, – поспешил Алексеев.

– Мне доложили: Брусилов ранен.

– Это так, государыня!

– Как это произошло? Почему командующий фронтом оказался на передовой линии?

– Алексей Алексеевич прибыл посмотреть на результат операции. К траншеям не подходил, наблюдал за позициями издалека. Но противник заметил движение и обстрелял шрапнелью. Пуля угодила командующему в грудь. Случайность.

– Из-за которой мы потеряли одного из лучших командующих. Кто вместо него?

– Генерал-лейтенант Деникин. Так пожелал сам Алексей Алексеевич. Я утвердил Антона Ивановича временно исполняющим обязанности.

Мария кивнула и замолчала. Алексеев сжался. Сейчас последуют неприятные вопросы. Почему прозевали наступление врага? Отчего своевременно не

подкрепили оборону, и дело дошло до резервов? Вопросы неприятные. Внятного ответа не имеется. Государыня может решить, что главнокомандующий не справляется. Она не любит потерь, а тут еще Брусилова подстрелили. Императрицу следовало отвлечь. Алексеев был опытным царедворцем и знал, что нужно сказать, поэтому заранее подготовился. Он кашлянул, привлекая внимание государыни.

– Мне доложили, что Брусилов вернется в строй.

– После ранения в грудь? – засомневалась императрица.

– Там интересная история, – поспешил Алексеев. Императрица заинтересовалась, железо нужно ковать, пока горячо. – Неподалеку от места ранения Брусилова располагался дивизионный лазарет. Антон Иванович Деникин, который сопровождал командующего, мигом сообразил. Раненого перевязали, погрузили в автомобиль и на большой скорости доставили в лазарет. А там оказалось, что главный хирург, он же начальник лазарета, ранен в руку и оперировать не может.

– Это ж где доктора ранили? – удивилась Мария.

– Накануне эскадрон немецких драгун, прорвав фронт, вышел к лазарету. Тот был обозначен красным крестом. Это не смутило супостатов, и они атаковали лазарет.

– Варвары! – сжала кулаки Мария.

– Могла повториться история с Новоселками. Но у немцев не получилось. Молодой зауряд-врач своевременно заметил врага, собрал раненых и организовал оборону. Под его руководством солдаты стали стрелять и бросать бомбы. Убили два десятка драгун, оставшиеся отступили. Это притом, что наших солдат было всего пятеро. Чем бы кончилось, неизвестно, но тут подоспели казаки и завершили разгром супостата. В этом бою и ранило начальника госпиталя – неосторожно подошел к окну.

– Кто оперировал Брусилова?

– Тот же зауряд-врач, других хирургов в лазарете не оказалось. Начальник лазарета, не обращая внимания на ранение, помогал ему советами. Операция завершилось успешно. Мне доложили, что Алексей Алексеевич поправится.

– Дай Бог! – перекрестилась императрица. Командующий последовал ее примеру.

– Как зовут врачей?

Алексеев заглянул в бумаги.

– Начальник госпиталя, надворный советник Николай Карлович Рихтер и зауряд-врач Валериан Витольдович Довнар-Подляский.

– Немец и поляк спасли русского генерала, – сказала Мария. – Любопытная история.

– Довнар-Подляский не поляк, – поспешил Алексеев. – Из белорусской окатоличенной шляхты. По вероисповеданию католик, но русский по духу. Учился в Германии, но завершить образование не успел. С началом войны, избегая ареста и интернирования, сбежал в Швейцарию. Оттуда перебрался в Россию. Поскольку документов об учебе в германском университете из-за бегства не получил, поступил вольноопределяющимся в Могилевский полк. Воевал. В окопах тяжело заболел и угодил в лазарет. Там выяснилось, что он недоучившийся врач. Начальник госпиталя проэкзаменовал его и вынес суждение о достаточности знаний у вольноопределяющегося. Подал рапорт и добился назначения Довнар-Подляского зауряд-военным врачом в свой лазарет. Не прогадал. У юноши оказался дар хирурга. Операцию, которую он провел Брусилову, по мнению специалистов, можно назвать блестящей.

– Повезло Алексей Алексеевичу, – кивнула Мария. – Вы позаботились о наградах?

– Непременно. На Довнар-Подляского подготовлено представление в Георгиевскую думу[23 - Общественный орган из офицеров, награжденных орденом Святого Георгия, который рассматривал представления и принимал решение, достоин ли кандидат такой награды. Самим орденом награждал император. Получить Святого Георгия было нелегко, его давали за отличие в бою, причем несомненное и принесшее пользу. Случалось, что Дума

«заворачивала» все представление скопом, если воинская часть, подавшая их, не показала себя в боях.] корпуса. Учитывая значимость его подвига, отказ маловероятен. Рихтер, как полагаю, достоин Владимира[24 - Орден Святого Владимира.] четвертой степени – как за свой подвиг, так и по совокупности заслуг. Его лазарет один из лучших на фронте.

– Согласна! – кивнула Мария. – Зауряд-врачу тоже Владимира.

– Вместо Георгия?

– Вместе.

– Два ордена сразу? За один подвиг?

– Отбил немцев, чем спас раненых и врачей – раз. Провел успешную операцию Брусилову – два.

– За Брусилова мы награждаем Рихтера.

– Но оперировал зауряд-врач. Вы считаете, что жизнь командующего фронтом не стоит двух орденов?

– Простите, государыня! – смутился Алексеев. – Не сообразил. Подумал: юнец. Для него и один орден за счастье. Да еще Георгий! А тут сразу два. Могут не понять. В армии много офицеров без наград.

– Пусть лучше воюют!

Алексеев насупился.

– Не сердитесь, Михаил Васильевич! – поспешила императрица. – Понимаю ваши резоны и заботу о подчиненных. Смотрите шире. В армии много католиков-офицеров?

– Мало, – ответил Алексеев. – Из иноверцев больше лютеране.

– То есть немцы. Большинство из них храбро воюет, и мы награждаем их, иногда в ущерб русским. Так нужно. Перед лицом грозного врага России должна выглядеть единой. Этот шляхтич мог остаться в Швейцарии или другой стране, но он вернулся в Россию и записался в полк. Одно это достойно награды. А он, вдобавок, воюет и оперирует. Хороший пример для подражания и укол нашим врагам. Они твердят, что Россия – колосс на глиняных ногах, вот-вот рухнет. Мол, единства в стране нет, нас раздирают противоречия. Этот пример опровергает подобные суждения. Я позабочусь, чтоб об этом случае написали в газетах. Пусть прочтут.

Мария усмехнулась.

– Вы великая императрица! – воскликнул Алексеев. – Извините старика за непонимание.

– Не нужно лести! – покачала головой Мария. – Продолжайте доклад.

В следующий час она внимательно слушала Алексеева. Задавала вопросы и уточняла факты. Когда генерал умолк, она встала и прошлась по кабинету. Вскочившему было Алексееву, указала на кресло.

– У меня есть сведения из других источников, – сказала, остановившись перед генералом, – и они совпадают с вашими. Немцы выдохлись. Их страна голодает. Они не рассчитывали на длительную войну и не позаботились о припасах. Хотели разбить нас одним ударом, – императрица улыбнулась. – Не учли в своем чванстве, что Россию еще никто не побеждал. Несмотря на военное положение, в Германии ширятся бунты. Недовольство проникло в армию, она теряет желание воевать. Провал последнего наступления это подтверждает. Нажим на наш фронт, в отличие от прошлого года, выглядел вяло. Я права? – Мария посмотрела на командующего.

– Точно так! – подтвердил Алексеев.

– Думаю, они начнут зондировать почву насчет мира, для чего используют союзников. Английский посол уже обратился с просьбой об аудиенции.

Императрица вновь улыбнулась.

– Мы пойдем на мир? – подобрался Алексеев.

– Ни за что! – сверкнула глазами Мария. – Во-первых, у немцев выигрышная позиция – они на нашей земле. Германия заявит о победе и станет требовать территорий и репараций. Согласимся – получим революцию. Общество не простит нам проигранной войны. Во-вторых, Германии нужно преподать должный урок. Вбить в голову, что нас трогать нельзя. К тому же, в отличие от Германии, Россия не истощена. Промышленность перестроилась под нужды войны. Вооружение и боеприпасы поступают на фронт в нужном количестве. Это так? – Она обратилась генералу.

– Да, – кивнул тот. – Но запас бы не помешал.

– Будет, – кивнула императрица. – Тогда и начнем наступление.

– Это поручение? – Алексеев встал.

– Да, Михаил Васильевич, готовьте операцию. Через месяц жду вас с набросками плана. Обсудим их в узком кругу, затем вынесем на совещание с командующими фронтами.

– Слушаюсь! – щелкнул каблуками генерал.

– Я вас больше не задерживаю.

Алексеев кивнул и пошел к двери.

– Михаил Васильевич!

Генерал остановился и обернулся.

– Как ваше здоровье? Неважно выглядите. Может, возьмете отпуск?

– Никак нельзя, ваше императорское величество! – покрылся пятнами генерал. – Оставить пост в такой момент? А выгляжу… Спал мало. Сами понимаете.

– Хорошо, – кивнула императрица. – Но советую подумать. Вы нужны мне. Не хочу терять главнокомандующего накануне наступления. До свидания, Михаил Васильевич!

Из кабинета Алексеев вышел на ватных ногах. «Знает? – толкалась в висках мысль. – Но откуда? Кто-то проболтался?» Он перебрал в памяти всех причастных к тайне. Времени это не заняло – их было мало. Личный врач, медицинская сестра, адъютант… Все умеют держать язык за зубами. Только они знают о его болезни, к сожалению, неизлечимой. Через год-два она сведет Алексеева в могилу. Возможно, раньше. Поэтому уйти с поста по состоянию здоровья невозможно. Он останется в памяти потомков как командующий, проигравший войну. И это сейчас, когда готовится наступление, которое завершится разгромом врага! В том, что это произойдет, Алексеев не сомневался. Императрица сказала правду: русская армия сейчас другая. Вон как скоро справились с наступлением врага! Год назад немцы добились бы успеха.

Боль внизу живота напомнила о себе. Алексеев скривился и, не обращая внимания на встречных, заспешил к выходу из Кремлевского дворца. У крыльца ждет автомобиль, который доставит его на вокзал к личному поезду. А там, в вагоне, ждет медицинская сестра с катетером наготове…

5

Деникин не поверил нам и прислал в помощь врача. И кого? Я обомлел, когда к лазарету подъехал автомобиль и вышедший из него мужчина представился:

– Бурденко, Николай Нилович, хирург-консультант Белорусского фронта.

Сам Бурденко! Человек-легенда из моего мира. Гениальный хирург, которого в 1930-х приглашали за границу проводить показательные операции. Создатель школы нейрохирургии в СССР и главный хирург Красной Армии. Под его руководством была создана эффективная система помощи раненым. В Великую Отечественную войну 70 процентов их возвращались в строй. И это без антибиотиков и других привычных нам лекарств! Советские врачи оперировали в походных условиях, в неприспособленных для этого помещениях, при свете керосиновых лам и добивались при этом отличных результатов в отличие от

немцев. У них методы были еще те. Они даже прижигали раны, как в Средние века! Если наши врачи старались спасти раненую конечность даже при гангрене, немцы ампутировали их, не задумываясь.

Бурденко заметил мое смятение и с любопытством посмотрел сквозь очки.

– Слышали обо мне?

– А кто не слышал? – пришел на помощь Карлович. – Здравствуйте, Николай Нилович! Чаю? Или пообедаете?

– Сначала осмотрю командующего, – отказался Бурденко.

У Брусилова он пробыл около часа. Сам снял повязку и исследовал рану. Выслушал и выстукал генерала, заставив того морщиться. Затем забинтовал и сделал нам знак выйти.

– Удивительно! – сказал в коридоре. – Пациент слаб, что неизбежно после такого ранения и потери крови, но пребывает в сознании, да и выглядит на удивление хорошо. Говорите, после ранения прошло два дня? Не могу поверить! Рана почти затянулась.

– Это Валериан Витольдович, – указал на меня Карлович. – Чудеса творит.

– Любопытно, – заинтересовался Бурденко. – А ну-ка, молодой человек!..

Пришлось рассказать все – об операции и свечении. Последнее Бурденко не заинтересовало, похоже, счел фокусом. А вот об операции расспросил подробно. Пришлось даже показать. Я взял резиновую трубку для дренажа (здесь их называют гуттаперчевыми), надрезал и заштопал под надзором гостя.

– А если сосуд полностью разорван? – поинтересовался Бурденко. – Взялись бы шить?

– Стент нужен.

– Что такое «стент»?

– Трубка… – я едва не сказал «из пластика». – Из золота или платины. Подходящего диаметра, тонкая и перфорированная по всей протяженности. Лучше из сетки. Ткань сосуда прорастет сквозь отверстия и закроет стент изнутри. Это убережет пациента от тромбов.

Демонстрируя, я взял иглу для переливания лекарств и надел на нее с обеих сторон резиновую трубку.

– Почему золото и платина? – поинтересовался Бурденко.

– Химически инертные металлы, которые не отторгаются организмом.

– Любопытно, – сказал Николай Нилович. – Где учились?

– Мюнхенский университет в Германии.

– У Бауэра?

– У него.

Сказав это, я сжался. Сейчас спросит что-нибудь про этого Бауэра, а я – ни уха ни рыла. Но Бурденко не спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тысяча благодарностей! (араб.)

2

Пусть Аллах благословит вас (араб.).

3

Спасибо (араб.).

4

Пожалуйста (араб.). Правильно: «аль-афу», но обычно произносят так.

5

Военная база России в Сирии.

6

Синтетический анальгетик, по воздействию близок к морфину.

7

Смотрю (бел.).

8

Стонет (бел.).

9

Плохо (бел.).

10

Без сознания (бел.).

11

Спас (бел.).

12

Не беспокоит (бел.).

13

В Российской (и не только) императорской армии – младший офицер в роте, не имеющий определенной должности. Старший куда пошлют.

14

Город в Пруссии, близ которого в 1807 году состоялось кровопролитное сражение русской и французской армии.

15

Cura te ipsum – «Исцели себя сам». Крылатое латинское выражение.

16

Абдоминальный – относящийся к животу. От латинского abdomen – живот.

17

Торакальный – относящий к грудной клетке.

18

Помощь (нем.).

19

Бутылка и мера объема. 1,23 литра.

20

Слова Александра Розенбаума.

21

Цитата из фильма «Место встречи изменить нельзя».

22

На самом деле – 7,65.

23

Общественный орган из офицеров, награжденных орденом Святого Георгия, который рассматривал представления и принимал решение, достоин ли кандидат такой награды. Самим орденом награждал император. Получить Святого Георгия было нелегко, его давали за отличие в бою, причем несомненное и принесшее пользу. Случалось, что Дума «заворачивала» все представление скопом, если воинская часть, подавшая их, не показала себя в боях.

24

Орден Святого Владимира.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/zauryad-vrach

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити